

**ИМЕНЕМ
ЧУЖОЙ
ИМПЕРИИ**

Александр Галицкий

Именем чужой империи

<https://litres.ru/74255727>

SelfPub; 2026

Аннотация

Она была королевой. Но одна секунда изменила всё.

Элайн Кусланд помнит только одно: белую вспышку, холод и чьи-то руки, забирающие её новорождённого сына. Она очнулась на хуторе «Белое Седло» — в мире, где рыжий цвет волос считается проклятием, а магия, которой здесь боятся, на неё не действует.

Чтобы вернуться домой, к мужу и младенцу, Элайн придётся научиться выживать заново. Хорманнская Империя разваливается: император сошёл с ума, наследник заперт в далёком дворце, а враги уже плетут сети. Единственный шанс — опасная сделка с Советом Хранителей. Цена — доставить наследника в столицу, избежав ловушек Феора.

Четыреста миль. Десятки врагов. И один путь домой.

Для тех, кто любит:

Сильных героинь с живым характером и неидеальным прошлым

Политические интриги, замешанные на магии и стали

Мир, который чувствуется настоящим — со своей историей, болью и надеждой

Истории о том, что иногда цена возвращения выше, чем ты готов заплатить

Содержание

Глава	5
ПЕРВАЯ ЧАСТЬ	6
Глава 1	7
Глава 2	19
Глава 3	42
ВТОРАЯ ЧАСТЬ.	67
Глава 4	68
Глава 5	79
Конец ознакомительного фрагмента.	106

Александр Галицкий

Именем чужой империи

Глава

ИМЕНЕМ ЧУЖОЙ ИМПЕРИИ

ПЕРВАЯ ЧАСТЬ

БЕЛАЯ ДОРОГА

Мы так жадно мечтали! Из городов, задыхающихся от людей,

Нас, изжаждавшихся, звал горизонт, обещаая сотни путей.

*Мы видели их, мы слышали их, пути на краю земли,
И вела нас Сила превыше земных, и иначе мы не могли.
«Песнь Мертвых». Редъярд Киплинг*

Глава 1

Этил Троберг, стоя у двери, слегка наклонив голову и теббя в руках застиранный передник, внимательно рассматривала молодую женщину, неподвижно лежащую на кровати с закрытыми глазами. Увидев, как ее густые ресницы распахнулись, Этил широко улыбнулась.

В примыкающей к дому конюшне громко заржала кобыла, подзывая к себе жеребенка — и от этого звука рыжеволосая голова незнакомки медленно приподнялась над подушкой.

— Где я? - спросила молодая женщина напряженным голосом — Что это за место?

— Это хутор «Белое седло», солнышко, торопливо ответила старушка. - Нас многие тут знают. А вот тебя как зовут, красавица?

— Я Королева Ферелдена Элайн Кусланд. «Белое седло»? В первый раз слышу такое название. Где это?

— Фе... Ферелдена? Далековато ты забралась... Мы про такой Ферелден не слыхали никогда. А от «Белого седла» до нашей столицы аккуратно будет десять миль.

Элайн приподнялась на локтях.

— Какой столицы, женщина?

— Ой, да ты совсем не в себе, солнышко. Неужто не знаешь? Мы же недалеко от Рауссборга. Охохонюшки... - вдруг засуетилась она, взглянув на ноги Элайн. - Подожди, я чи-

стого холста принесу, ты же насквозь промокла... - и не договорив, она выскочила из дверей.

Королева непроизвольно опустила взгляд и увидела, что по простыне, на которой она лежала, медленно расплзается красное пятно.

«Ну конечно же, после родов этого стоило ожидать. Но что за бред несет эта старушка... Какой еще Рауссборг?! О Создатель, куда это меня забросило? Отсюда надо выбирать-ся.»

Она попыталась сесть, но ее ощутимо качнуло в сторону. Ухватившись за стену из нестроганого горбыля, Элайн сумела все-таки не скатиться на пол.

«М-да. Вот тебе и победительница Мора. Теперь будешь учиться ходить заново, вот. Проклятье, но как же я тут оказалась?! Кто это все сделал?!»

Мысль о том, что кто-то или что-то оторвал, или оторвало ее от ребенка в тот самый момент, когда она готовилась взять его первый раз в руки, привела Элайн в ярость. Со злости она ударила кулаком по стене, да так, что небольшая полочка над кроватью слегка подскочила на месте.

«О, Создатель! Как только я найду того, кто все это устроил! Клянусь пророчицей, он позавидует Хоу! И отцу, и сыну!»

Ее гневные размышления прервало появление старушки с выбеленной холстиной и ветошью.

- Ну вот, солнышко, негоже тебе лежать в кровавой луже

то. Давай ка, я тебе помогу.

Элайн безропотно дала возможность пожилой женщине вычистить постель и сменить немудреную грубую простынь. Она молчала, пока старушка не закончила свои манипуляции и не собрала грязное белье в узел.

В конце концов Элайн потребовалось время, чтобы немного успокоиться — вымещать свое раздражение на доброй женщине было просто неразумно – судя по всему, она была ни в чем не виновата.

Глубоко вздохнув, королева наконец произнесла:

– Как мне называть тебя?

– Этил. Этил Троберг, я тут уже давно с внучкой хозяйничаю. А тебя, солнышко, как сюда занесло то? Из твоего Перелдена?

- Ферелдена. - Поправила ее Элайн. - И почему ты меня называешь солнышком? Вообще то такие прозвища королевам слушать не пристало. Особенно от простолюдинок. Мои подданные называют меня Ваше Величество.

И Элайн гордо вскинула голову, тряхнув по привычке рыжей прядью.

Этил немного отпрянула назад, удивленно посмотрев на Ее Величество.

– Э-ээ... Ваше Величество! Уже не обессудь, солнышко, мы люди простые. К нам короли и императоры не ездят. Даже благородные дворяне стали заезжать раз в год. Так что уж как-нибудь попробуем называть тебя по-нашему, по-обыч-

ному.

Пожилая женщина немного замялась.

- Солнышко, я вот что спросить хочу. Ты что, родила недавно?

- Да, недавно. Вчера. - сжала зубы Элайн.

«Ох, погоди, найду я того, кто мне устроил этот перенос — пообрубаю руки-ноги, а то что осталось - засуну в клетку гнить заживо!»

Этил только покачала головой, глядя на королеву.

- И какому же колдуну ты не угодила, что тебя от ребеночка так далеко выдернули?

От этих слов у Элайн вскипели горькие слезы. Она закрыла лицо руками и всхлипнула. Даже для нее все это было слишком чересчур.

Пожилая женщина подошла к ней поближе и положила ладонь на плечо Элайн.

- Поплачь, солнышко. Тебе легче будет. Придешь в себя, встанешь на ноги — жизнь и наладится. Все в руках наших Хранителей.

В ответ Элайн негромко шмыгнула носом и вытерла ладонью глаза.

* * *

Уже через два дня Элайн могла вставать и даже ходить по комнате. Боль внизу живота практически утихла, а силы восстанавливались очень быстро. Кормили ее хоть и просто, но достаточно сытно. Правда, перечень блюд состоявший из

молока, хлеба и овсяной каши с кусочками мяса и сала не очень-то радовал вкусовым разнообразием. Но сейчас это было самой маленькой проблемой.

А вот поговорить о том, где она оказалась и как побыстрее попасть домой, ей было практически не с кем. Было очень скучно и тоскливо, поэтому Элайн сосредоточилась на восстановлении сил. К тому же много времени отнимало сцеживание молока и бинтованные груди. На пятый день она чувствовала себя уже достаточно уверенно, чтобы весь день проводить на ногах.

Сама хозяйка все время где-то пропадала до самого вечера, а ее внучка, молодая рослая девица лет девятнадцати-двадцати, бывала в комнате Элайн нечасто — только для того, чтобы принести еду и сменить белье. К тому же она оказалась довольно-таки неразговорчивой девушкой и отделивалась от расспросов Элайн весьма односложными ответами. Судя по ее выражению лица, она не очень-то одобряла появление королевы в доме. Наверное, потому, что ухаживание за гостьей было поручено именно ей. Кроме того, по немудреным вышитым салфеточкам и засушенным цветам в глиняном кувшинчике, Элайн сделала предположение, что комната, в которой ее разместили, раньше принадлежала именно Хильде.

Из немногочисленных ответов удалось узнать, что Рауссбург, тот самый, о котором ей сказали сразу как она очнулась — это столица какой-то Хорманнской Империи.

«Белое Седло», как называла это место хозяйшка Этил, оказался достаточно большим хутором. Из фраз, которыми обменивалась хозяйка с внучкой выяснилось, что кроме самой старушки и ее внучки, на хуторе работало несколько батраков. Эта самая старушка, кстати, вовсе не жаловалась на свою старость и была довольно-таки бойкой для своих лет женщиной.

Большой дом с несколькими комнатами, амбар, какие-то хозяйственные пристройки, просторная конюшня с шестью лошадьми — все свидетельствовало о достаточной зажиточности хозяев.

На все это богатство Элайн смогла лично полюбоваться, когда на четвертый день самостоятельно выбралась на крыльцо под теплое солнышко. Прикрыв глаза ладонью от его лучей, она задумчиво рассматривала деревянные сараи, копну сена и маленького смешно перебирающего ножками жеребенка, только-только выбравшегося во двор из конюшни.

Ни хозяйки, ни ее внучки не было видно. Только какая-то замызганная крестьянка набирала воду из колодца.

Элайн постояла несколько минут и осторожно сошла с крыльца, ощущая босыми ногами теплую траву. Никто на нее не обратил внимания — жеребенок так же продолжал бесцельно перебирать по траве маленькими копытцами, пытаясь периодически взбрыкнуть. Крестьянка продолжала набирать воду в стоящую рядом кадуюшку, даже не обернувшись

на стройную молодую женщину в грубом шерстяном платье, стоявшую около крыльца.

Элайн сделала несколько шагов вперед и снова остановилась. Куда это она идет?

«Домой. Я хочу вернуться домой!» -и она снова шагнула вперед. Жеребенок повернул к ней голову и хлестнул себя хвостом, отгоняя слепней.

«Ну и куда ты пойдешь? Босая, в одном платье? Без ничего?»

Элайн подошла поближе к колодцу.

- Где твоя хозяйка?

Батрачка даже не подняла голову и лишь махнула рукой куда-то в сторону.

- На выгоне с Хильдой. Завечереет, так вернутся-то.

Идти на этот самый выгон Элайн совершенно не хотелось. Что ж, она подождет до вечера.

Каждый час, который она проводила в этом гостеприимном доме, давался ей очень нелегко. Она неистово хотела вернуться домой. Уйти отсюда поскорее как угодно и на чем угодно, но лишь бы уйти. Ей здесь делать нечего. В конце концов силы к ней вернулись, а боль внизу живота уже стихла. Теперь нужно узнать дорогу до ближайшего крупного города, найти достойную одежду и все что понадобится для путешествия.

Элайн задумчиво посмотрела на жеребенка. Лошадь ей бы не помешала. Нет, конечно, не ездить. Но не тащить же при-

пасы и все остальное не себе?

«Да, но на что ее купить?»

Так и не ответив на эти мысли, вслух она спросила:

- А ближайший город где?

«Может быть эта крестьянка что-то знает?»

Женщина лишь махнула рукой в сторону заката.

- Кажется, туда вот ехать надоть.

- А как называется этот город?

- Раус... Роус. Да нам почто это надо? Город и город. Тут своих дел непровортить, а город нам не надобен. Не помню я.

«Рауссборг» - вспомнила королева слова Этил. «Никогда не слышала о таком городе. О Хорманнской империи тоже никогда не слышала. Что же это за место такое?»

Крестьянка с усилием подхватила бадью правой рукой и поволокла в конюшню, оставив левую руку в сторону.

Разговора не состоялось. Разве что Элайн узнала сторону, где находится ближайший город, — а значит и люди, которые смогут ей помочь точно узнать, где она находится. То, что это была столица, только облегчало ей эту задачу.

Она развернулась и пошла обратно в дом — подул прохладный ветерок и голые ступни стали отчего-то мерзнуть.

«Вечером я придумаю, как купить лошадь»

Вечером никакого разговора с Этил не состоялось и придумать ей ничего не удалось. Хмурая Хильда по обыкнове-

нию пришла вечером с миской жирной овсянки, крынкой молока и свертком чистого белья под мышкой. Поставив угощение на стол, она собралась было проверить и поменять белье, как Элайн ее прервала

- А где твоя бабушка? Мне нужно с ней поговорить.

- У нас еще одна кобыла ожеребилась, так что бабушка сейчас занята. Жеребенок слабенький, с ним возиться надо.

Почему-то эта совершенно невинная фраза сильно кольнула Элайн, да так, что она чуть не схватилась за стол, чтобы не упасть.

- А позвать ее нельзя?

- Я скажу ей. Как сможет - придет.

Больше не сказав ни слова, Хильда сгребла в охапку белье с кровати королевы и покачивая полными бедрами, быстро удалилась.

Элайн проводила ее взглядом. Нет, фигура рослой внучки ее не интересовала. Она в очередной раз удивилась ожерелью, блеснувшему на шее Хильды. Королева знала толк в украшениях — но таких крупных жемчужин она никогда не видела ни в своей шкатулке, ни на своих придворных. Даже разряженная в пух и прах жена орлейского посла не носила таких жемчугов. Кроме всего прочего, к нитке жемчуга для чего-то был подвешен крупный прозрачный кристалл в серебряной оправе. Может быть, он и не сверкал как бриллиант, но выглядел тоже очень дорого. Правда, по мнению Элайн, такое сочетание отдавало дурновкусием, но все равно

— за одно такое ожерелье можно было бы купить всех лошадей в этом самом «Белом Седле», да еще бы деньги остались. Как такая драгоценность попала на шею хуторянки — было решительно непонятно.

Но Элайн вовсе не хотела расспрашивать неприветливую Хильду об ее украшениях. В конце концов, какая ей разница, что эта крестьянка носит на шее? Хорошо, что ее кормят, поят и дают кров над головой в этой неизвестной стране. У нее сейчас был один только интерес — вернуться домой.

Доев свой ужин, Элайн почувствовала, что ее потянуло в сон. Она попыталась против-виться этому, расхаживая по комнате, но в конце концов все-таки прилегла на кровать. И заснула сразу же, как только прикрыла глаза.

Через полтора часа, когда уже совсем стемнело, приоткрылась дверь и в комнату зашла хозяйка хутора.

Она ничего не сказала, увидев, как Элайн спит в платье - лишь покачала головой и слегка улыбнулась. А потом накрыла королеву покрывалом из лоскутков.

* * *

- Нно, пошевеливайся! - и Томлав слегка пришпорил свою кобылу- вместо рыси она снова перешла на шаг, оглядываясь на заросли дикого овса вдоль дороги.

- Что, ленится? - обернулся к нему Гардар - А ты ее плеткой, плеткой, хы!

- Сам свою плеткой охаживай! - окрысился Томлав.

Вороная лошадь его напарника шла мерной рысцой, не

сбиваясь и не останавливаясь. Томлаву оставалось только завидовать этому детине, отхватившему себе отличного коня.

- Хыы-хы... - заухал от удовольствия Гардар. - Учись у старших, малявка. Как добычу делить надо. Чего клювом щелкал-то?

Томлав только вздохнул.

В недавней стычке с разведчиками из форта Даррен ему было не до дележки. Пока он катался по траве, стараясь придушить какого-то задохлика, остальные уже поснимали все ценное с вражеских трупов и расхватали оставшихся лошадей. Задохлик оказался намного крепче, чем выглядел и душиться никак не желал. Он сопротивлялся до тех пор, пока кто-то из подошедших не огрел его пару раз шестопером по голове.

Он посмотрел на спину Гардара и вздохнул еще раз.

Гардар успел обыскать не только врагов. Труп Хаммельна, заместителя командира отряда, которому арбалетный болт так удачно проткнул горло, тоже обшарили со всей тщательностью. Теперь «Дымящийся Клинок», на который зарился весь отряд, очутился в волосатых лапах Гардара.

Хаммельн, конечно, был еще той самой наглой и спесивой скотиной, но все равно обидно, что его уникальное оружие попало в руки другой скотины, грубой и тупой.

Себя Томлав, конечно же, считал высокообразованным и умным человеком. На его взгляд, для полного счастья ему не хватало лишь удачливости. Тот же Хаммельн, например,

постоянно мотался в столицу с заданиями командира отряда, где очень выгодно проворачивал какие-то свои делишки. Оттуда же он приволок и «Дымящийся Клинок». Впрочем, Томлав тоже пару раз ездил в Рауссборг. И тоже кое-что сумел проверить. Но все равно, все равно это было не так часто, как хотелось бы.

Хотя, если подумать, то не такой уж и удачливый этот Хаммельн, раз именно ему достался выстрел, а не кому-то другому.

Томлав еще раз дернул поводья — эта кобыла, ламм ее побери, опять норовила сбавить ход. Так они до Белого Седла и к обеду не доберутся.

- Пошла, пошла, волчья сыть! - прикрикнул он на нее и еще раз ударил ее по бокам.

Глава 2

Утро было солнечным, свежим и радостным. Элайн открыла глаза и решила, что сегодняшний день станет для нее удачным — она сегодня обязательно двинется в путь.

«Домой! Я пойду сегодня домой!»

Сколько времени займет у нее путь — ее пока не интересовало, главное, что она уже не чувствовала себя шатающейся от слабости тростинкой. Она ясно чувствовала - к ней вернулись все ее силы.

Ухватив массивную табуретку за ножку, она легко подняла ее в воздух и сделала несколько взмахов. Да, силы вернулись!

«Со стороны это, наверное, кажется ужасно глупым — размахивать табуреткой» - слегка усмехнулась она и поставила ее обратно. И вовремя — в комнату торопливо вошла Этил и широко улыбнулась. Она очень приятно улыбалась - сетка морщинок в уголках ее глаз лучиками подсвечивала ее добродушную улыбку.

- Да ты уже на ногах, солнышко! Сама встала!

Этил так и не пожелала называть Элайн ни «ее величеством», ни «миледи», несмотря на напоминания. В конце концов Элайн махнула на это рукой. Ради восстановления сил и здоровья можно было и потерпеть. Все-таки Этил проявила немалое великодушие, взяв к себе в дом неизвестную

ей женщину. Кроме того, ее без всяких вопросов кормили, поили и обихаживали. Так что Элайн не стала устраивать разборок по поводу неуважения ее королевского достоинства. Этил не ее подданная, и задерживаться здесь она не собиралась.

- Сейчас Хильда каши принесет, ты и позавтракаешь! - почему-то всплеснула руками Этил. - Это очень хорошо, что ты уже сама встаешь! Я так рада!

Последние слова были сказаны вовремя — Элайн уже было собиралась скривиться от слова «каша». Все-таки если человека кормить одним и тем же целую неделю — это мало кому понравится. Но если старушка рада, то почему бы не порадоваться вместе с ней?

И Элайн широко улыбнулась.

- А уж как я этому рада! Я уже вполне пришла в себя и могу сама вставать и ухаживать за собой. Спасибо, тебе Этил.

- Ой, это просто замечательно, замечательно! - заторопилась старушка. - Ты теперь, наверное, и сама готовить сможешь, солнышко?

Эту подозрительную фразу Элайн пропустила мимо ушей. Она вспомнила про лошадь и свою дорогу домой.

- Я должна идти, Этил. Мне пора.

- Да куда ж ты, солнышко, собралась? Зачем? Живи у меня, я тебя не гоню никуда! - и хозяйка «Белого Седла» опять всплеснула руками.

Если бы она знала, что Элайн сама себя гнала лучше ко-

го-бы то ни было!

- Нет, спасибо тебе еще раз, но мне действительно пора идти в Ферелден. Домой, к мужу и сыну.

- Да нет тут никакого Ферелдена! Ты, наверное, путаешь чегой-то. Живи у меня! - старушка чуть было не замахала руками.

Открылась дверь и появилась как обычно хмурая Хильда с горшочком каши в руках.

Элайн ответила тверже:

- Нет, я пойду. Каждый день я только и думаю, когда же я вернусь домой.

Лицо Хильды разгладилось от мрачного выражения

- Да пусть идет, бабушка. Раз ей надо.

- А ты не мешай! - внезапно вспыхнула Этил. - Ты пегую кобылу вычистила?

Хильда только подбоченилась.

- Та кобыла как стояла, так и стоит, никуда не денется. А вот этой — и она ткнула пальцем в Элайн — раз нужно идти, то пусть идет отсюда.

«Ого! Эта Хильда только и ждет, как от меня избавится! Впрочем, ничего удивительного. Она демонстрировала мне это с самого начала, только молча»

Вообще-то за кобылу и хамство Хильде полагалась хорошенькая трепка, но сначала нужно разобраться с более насущными проблемами. А остальное потом.

- Нет, уж, дорогуша. - Этил слегка повысила тон. - Я са-

ма может разберусь, кто куда пойдет. В первую голову, внученька, именно тебе надо идти по делам. Работы полон рот, так что ты не ленись, не ленись! - и она начала подталкивать Хильду к дверям.

- Смотри сама, бабушка. - чуть ли не с угрозой ответила девушка. - Я свое мнение сказала.

- Да, да, поняла я. Ты иди, лошадка заждалась нечищенная. И все-таки она вытолкнула Хильду во двор. Закрыв дверь, она повернулась к Элайн.

- Куда тебе идти, ну куда? Нет тут никаких Ферелденов. Дороги опасные, люди по ним ходят вредные да злые, а ты одна. Куда ты пойдешь?

- Как-нибудь пойду, ничего страшного. Мне домой надо.
- А чем тебе тут не дом? Будешь мне дочкой. - при этих словах лицо Этил изменилось - на нем отчетливо промелькнуло страдание. - Как моя доченька погибла, так мне теперь и жизнь не та стала, что прежде. А тут и ты. Оставайся, солнышко!

Элайн аж попятилась от неожиданности. Вот это да! Так ее оказывается, вот для чего кормят-поят! Эта старушка, оказывается, хочет, чтобы она осталась в качестве дочки? Ну, мало ли чего она хочет! Она здесь не останется ни за что! Домой, только домой.

- Нет, Этил, нет, и не уговаривай. Я должна идти домой! Понимаешь? Должна. Никаких других вариантов просто нет!

- Нет, ну как ты пойдешь, как? Босая? Без ничего?

- Мне нужна лошадь для того, чтобы везти поклажу, одежду и еды на дорогу. Я королева, не забывай. И смогу расплатиться с тобой с лихвой за твою помощь. За все, что ты мне дашь сейчас, ты получишь потом вдесятеро.

Этил только участливо покачала головой, с видимой жалостью глядя на Элайн. Скорее всего она решила, что эта молодая женщина, так неожиданно появившаяся в ее доме, просто бредит.

- Прости уж меня солнышко, но я на слово в таких делах не верю. С лошадей я живу, и просто так никому их не даю. И лишней одежды у меня тоже нет. И вся еда мне здесь нужна. Так что ты не глупи, и оставайся. Будем жить вместе — лошадок выхаживать, да и мужа тебе потом подберем...

При словах «подберем мужа» Элайн взорвалась. Она и так очень долго сидела на одном месте и сжимала себя в кулаке, чтобы выслушивать про такие перспективы.

- Хватит! Сколько можно объяснять, что я здесь не останусь? Ты не понимаешь, что я тебе говорю? Мне нужно уходить! Если ты не дашь мне добром, то я найду способ, как взять сама!

У Этил приоткрылся рот от таких слов.

- Как? Ты собираешься...

- Я собираюсь отсюда уходить! - бушевала королева. - Во что бы то ни стало! Я не буду выхаживать никаких лошадок! И дочкой твоей я тоже не буду! У меня есть муж и у меня

есть сын! Я должна к ним вернуться!

Она тряхнула головой и даже притопнула ногой.

- Все, довольно! Ты поможешь мне со сборами в дорогу или нет?

Этил никак не могла поверить, что вот эта самая девушка, которой она помогла и которую выходила, так неблагодарно себя поведет.

- Доченька, ну зачем же ты так?.. - она до сих пор не могла прийти в себя от такого напора со стороны «солнышка».

- Я тебе не доченька. — отрезала Элайн. - Ну как мне еще объяснить, что я не могу здесь оставаться?!

И немного помолчав, добавила куда более мягко:

- Я не хочу тебя обижать и ничего брать у тебя силой тоже не буду. Мне очень жаль, что твоя дочь погибла, но твоей дочерью я не стану.

И подумала про себя

«Да, сейчас от нее ничего не получишь и ничего для нее не сделаешь... Что же, тогда придется придумать что-нибудь другое. Но здесь я больше не останусь. Это решено.»

На Этил было тяжело смотреть — видимо, она так сильно надеялась на свои уговоры, что отказ Элайн причинил ей чуть-ли не физическую боль.

- Снова Хранители меня казнят ни за что... - прошептала она. - Вроде бы нашла свою погибшую доченьку, так опять она уходит...

«Интересно, отчего же ее дочь погибла? Спросить ее?

Нет-нет. Судя по всему, старушка и так очень расстроена — и беречь ее рану в данный момент совершенно не стоит»

Ее размышления о том, почему погибла дочь Этил прервал вопль со двора.

- Хозяйка!!! Открывай! Открывай, хозяйка!

От этих звуков Этил вздрогнула так, будто она ударилась о притолоку.

- Это Вольная Стража... - сдавленным голосом произнесла она. - Но сейчас еще не срок! Ведь Стрела еще не видна!

Что за стрела и почему она должна быть видна, Этил не уточнила.

Но сейчас Элайн думала вовсе не о какой-то загадочной стреле, а о Вольной Страже. Если это действительно настоящая стража, то у нее появляется возможность все разузнать и даже спокойно отсюда уехать. Разумеется, если это действительно Стража, а не самоназвание какой-нибудь шайки. Помнится, некая «Хартия» означала вовсе не государственную декларацию, а банду вымогателей из Пыльного города.

Осторожность не помешает.

В комнату ввалилась Хильда с круглыми глазами:

- Бабушка! Там Гардар и Томлав приехали!

Выпалив это, она развернулась и попыталась выскочить обратно, но Этил с непостижимой быстротой ухватила ее за подол.

- Стой, окаянная! Куда? Чего они так рано приехали? До срока еще дюжина дней!

- А не знаю я! - одним движением Хильда вырвала из рук старушки свое платье. - Мне недосуг спрашивать!

И тут же молниеносно выскочила во двор, хлопнув тяжелой дверью.

Этил повернулась к Элайн:

- Ты пока не выходи отсюда никуда. Я сейчас разберусь с этой Вольной Стражей, а там видно будет.

И она недовольно покачала головой.

- Не в срок они пришли, ох не в срок. Плохо это.

- А что это за Вольная Стража?

Этил лишь раздраженно махнула рукой.

- Защитнички. За мздой приехали. Настоящей стражи мы уже как пять лет не видали, так вот эти теперь вместо нее. Никуда не выходи — это люди безоглядные и наглые, так что ты на глаза им не лезь.

И тоже вышла во двор, аккуратно прикрыв за собой дверь.

«М-да. Судя по всему, это не столько Стража, сколько бандиты. Здешняя «Хартия». А у меня ни меча, ни брони, ни даже завалящего ножика и то нет. Ладно, посмотрим...»

И Элайн осторожно подошла к небольшому окну с мутным стеклом и остановилась у самого края.

Было видно, что во дворе Этил стояла перед двумя мужчинами. Один из них — повыше и поосанистее, носил длинные отвислые усы, а второй — пониже и помоложе — растительности на лице не имел. У обоих никакого оружия в руках не было, но за спинами что-то виднелось. Из-за мутного

стекла, было трудно разобрать что именно. Недалеко от этой парочки располагалась пара оседланных коней с переметными сумками.

- Тебе повезло, хозяйка! - гремел на весь двор старший. - Наш командир тебе делает подарок. От щедрот своих. И бо-о-ольшой подарок, копье волку в зад! Радуйся!

- Спасибо, господин Гардар! - кланялась ему Этил. - Но мы ждали вас позднее, господин Гардар!

- Командиру нужны срочно деньги, Этил. Такие желтые кружочки, ну ты знаешь. Очень срочно - такие вот дела. Поэтому мы и приехали к нашей белой лошадке пораньше! Ха-ха-ха!

«Чурбан неотесанный»

Через мутное окно было плохо видно, что делает его напарник. Судя по тому, что ей удалось разглядеть, он к кому-то повернулся и взмахнул свободной рукой.

Гардар же продолжал орать:

- Но мы тебе делаем подарок, бабуся! За то, что мы приехали пораньше, тебе нынче скидка на десятую долю, во как! Цени! Цени, бабка — аж на десятую долю, кабана дубиной поперек рыла!

Его сопровождающий помахал рукой еще раз и отошел в сторону. Что его отвлекло и куда он отправился — со своего места Элайн уже не увидела. Она передвинулась к середине окна, чтобы рассмотреть получше, но Гардар, уловив боковым зрением движение в доме, повернул голову и уставил-

ся на окно, нахмутив густые брови. Было непонятно — рассмотрел он что-то в комнате или нет, но на всякий случай Элайн отошла от окна подальше.

Вот поэтому она не услышала продолжения разговора.

- Ты чо это, бабуся, теперь батрачек в доме держишь?

- Не знаю, господин Гардар. Вам, наверное, померещилось.

- Хы-хы!... - утробно засмеялся «господин» Гардар. - Померещилось! Ты эта, иди деньги считай. Я тут на ветерочке постою.

- Может господин Гардар молочка желает свеженького? - еще раз поклонилась Этил.

- Деньги сначала, бабуся. Сначала тащи деньги, да смотри, не обсчитайся, дубиной корове по седлу! Хы-хы. - и он снова покосился на окно дома. В нем теперь никого не было видно.

- Давай-давай. Брысь за денежкой.

Испуганно покосившись на окно, хозяйка «Белого Седла» пошла за деньгами. Но сначала она заглянула в комнату Элайн. Королева все так же стояла в глубине комнаты.

- Тссс!! - прижала палец к губам Этил. - Сиди тихо и никуда не выходи. Эти двое пусть во дворе подождут. А мне в подпол спуститься надо.

И она быстро вышла из комнаты, плотно прикрыв за собой дверь.

Этот бандит, оставшийся во дворе, решительно не нравился Элайн. Он слишком громко орал и слишком грубо шу-

тил. А у нее ничего нет. Никакого оружия, проклятье. Она снова огляделась — стол в глубине комнаты, две грубые табуретки рядом с ним, маленькие полочки с пучками сушеной травы, видимо для запаха. Никаких развешанных по стенам щитов и мечей, как у нее дома.

Воспоминание о доме заставило ее нахмуриться — она ведь собралась уходить отсюда. А эти бандиты еще больше осложняли это предприятие. Потихоньку Элайн начала злиться. Больше всего ее выводило из себя собственная бездеятельность и фактическая беспомощность — пока что она ни на что не могла повлиять.

Кроме того, эти бандюги собираются отнять у Этил деньги и видимо, немалые.

«Лучше бы эти деньги остались у хозяйки хутора, - подумалось ей, - а я взяла с собой бы одежды и припасов! Проклятье, проклятье!»

Дверь со стуком распахнулась и на пороге возник тот самый вислоусый Гардар.

- Хыыыы! А вот и мой подарочек! - заорал он с неподдельной радостью. - У Этил новая батрачка, да?

Элайн уставилась на него злыми зелеными глазами.

Наглая рожа этого самого Гардара не вызывала у нее никакого желания порадоваться вместе с ним. Кроме того, ей очень сильно не понравилась фраза о «подарочке». Да и вообще внешний вид этого вымогателя с большой дороги производил на нее самое отталкивающее впечатление.

- Тебя как зовут, девка? А? - продолжал этот бандит. Видимо в доме, где никто не мог дать ему отпора, он чувствовал себя полновластным хозяином — вопил во весь голос и явно никого не стеснялся.

Элайн ничего не ответила, продолжая разглядывать комнату. Что-то надо было придумывать. Если эта двуногая скотина решила, что незнакомая женщина является «подарочком» - то дело плохо.

- Ты кто такая? Не слышу! - в его голосе отчетливо почувствовалось недовольство. Он еще не сталкивался с тем, чтобы в этом заповеднике слабых женщин его требования не выполняли.

Глаза королевы задержались на грубом столе и двух тяжелых табуретках.

- Я не понял! Ты чо это, наглеть мне удумала? - и он сделал шаг к Элайн. - Тебя спрашивают! Отвечай!

- У меня для тебя ничего нет. И говорить мне с тобой не о чем. - сквозь зубы ответила королева.

- А мне лучше знать, чего там у тебя есть! - опять заорал Гардар. - А! Да я смотрю, ты небось из балгородных, да? Беглая?

Он так и сказал «балгородных». То ли он не умел нормально разговаривать, то ли у него были свои счеты с дворянством — неясно. Элайн и не подумала полюбопытствовать о причинах. Так же ее совершенно не интересовало, почему вдруг этот мужлан упомянул о каких-то там «беглых».

Гардар провел своей ладонью по обвислым усам.

- Так, болтаем много. Бабка щас золото принесет, а у нас даже кони не валялись, хыыыы. Томлав небось свою девку уже оприходовал... Давай-давай, сама свое скидывай, а иначе я порву ненароком. Будешь потом подол зашивать. Или не подол. Хыыыы!! - он заржал над своей шуткой громче любой лошади.

Элайн было совершенно не смешно. Скрипнув от ярости зубами, она лишь сжала и разжала кулаки и стала медленно отходить вглубь комнаты, поближе к столу.

Бандит захохотал еще громче.

- А ты чо думала? Бабка платит золотом, а с остальных мы берем тем, что у них есть. Так что все, по справедливости. Давай-давай!

Гардар просто упивался своей властью. Да уж, хорошо видно, что эта девка молча бесится, но куда ей деваться! Вольная Стража отказа не знает. Времена для сильных мужиков все еще самые те. Делай что хочешь, бери что плохо лежит. Все бабы твои, пей, гуляй, наслаждайся! Свобода!

Правда кто-то ноет, что смута долго не продлится, но Гардару на этих нытиков было плевать. Он сделает все, чтобы сильным никто не мешал иметь все, что они пожелают.

«Если нам что-то нужно, мы идем и берем!». Так было и так будет!

Короче говоря, Гардар был настоящим, законченным подонком и менять свое поведение считал ненужным.

- Так ты на столе хочешь? - он криво ухмыльнулся и стал медленно подходить к ней.

«Поиграться что ли? А чо, будет любопытно»

Элайн ничего не ответила. Ее лицо закаменело, и она уже не сводила бешеных глаз с бандита — на краткий миг он даже смутился. Кажется, что этот «подарочек» его совершенно не боялся.

«Ну и плевать. Пусть побесится, так даже интереснее»

Совершенно неожиданно девушка опустилась на одно колено перед табуреткой. Гардар осклабился:

- Хыыы! Я смотрю, ты привыкла издалека начинать, шлюшка? Ну, давай-давай, только по-быстрому.

И он начал расстегивать пояс.

Дальше случилось то, чего он совершенно не ожидал.

Элайн крепко ухватила двумя руками за ножку табуретки и резко распрямилась, нанося удар снизу-вверх этой самой табуреткой по приблизившемуся Гардару.

Разумеется, он попытался отклонить рукой это нападение, но сила удара была такова, что это движение его ничуть не защитило. Руку просто отбросило кверху как тростинку, а слегка ослабленный удар пришелся по ребрам.

- Ах, ты тваррь. - прорычал бандит. Кисть и предплечье его правой руки наполнились острой болью, но он все равно схватился за свой новый кинжал. В деле он его еще не испытывал, и сейчас похоже, было самое время наказать эту драчливую бабу по-настоящему.

«Исполосовать ей лицо или сразу прирезать?» - это было последнее, что он подумал.

Гардар так и не оценил реальную опасность тяжелой деревянной мебели в руках этой самой «драчливой бабы».

Она практически без паузы широко размахнулась еще раз и закругленный угол табурета вломился в правый висок бандита. Сначала раздался звук захрустевших костей черепа, и только потом глухой стук падающего тела. Это самое тело так и не успело ни уклониться, ни закрыться от такого удара. Элайн, не выпуская свою импровизированную дубину из рук, подошла поближе.

Вся правая часть головы упавшего бандита уже была залита кровью, а в развороченном и окровавленном виске сахарно белели какие-то осколки. Гардар судорожно дернулся в последний раз и затих.

«Отбросы. Это не люди — а отбросы. Пададь.» - и ее стройная нога пошевелила размякшее тело. Тело не прореагировало. Судя по остаткам его головы, оно действительно превратилось в ту самую пададь.

Несмотря на неподдельное отвращение, она его все-таки обыскала, хотя любое прикосновение к подобной мерзости вызывало у нее сильную тошноту,

Небольшой кошелек за пазухой, какой-то железный амулет на шее, и главное — кинжал за спиной. Изогнутый клинок с волнистым лезвием, резная рукоять, прочные ножны. Это конечно, не меч, но во всяком случае хоть что-то.

«Как эта тварь сказала про Хильду и этого, как его, Томлава? Мол, он ее тоже оприходовал? Ну мы сейчас посмотрим, кто кого там оприходовал!»

* * *

Во дворе было пустынно. Батраки скорее всего куда-то разбежались, а Этил, скорее всего, продолжала пересчитывать в укромном месте свои деньги.

Элайн огляделась — колодец, несколько разбросанных снопиков свежего сена и пара лошадей у коновязи с переметными сумками — вероятно, те самые, на которых приехали эти бандиты, назвавшиеся Вольной Стражей. Кони лениво обмахивали себя хвостами, отгоняя назойливых слепней и совершенно не интересовались окружающим миром.

А вот Элайн очень интересовало, где именно тот самый Томлав «оприходывал» Хильду. Она и сама не могла бы точно объяснить, зачем ей понадобилось искать этого самого Томлава. Вот понадобилось и все. Может быть потому, что после Белой Гавани, где ее, связанную по рукам и ногам, попытались грубо насильничать, она моментально приходила в бешенство даже при намеках на подобные попытки?

И пусть Хильда была невежей и грубиянкой — но допустить насилие над женщиной? Нет, никогда.

Порыв теплого ветра растрепал волосы Элайн и закружил в воздухе соломинки из снопиков. Створка ворот в овин покачнулась и начала открываться, что немедленно привлекло ее внимание.

«Что ж. Значит, сначала посмотрю в овине»

Когда она распахнула деревянные воротца, ее пальцы сжали рукоятку кинжала до белизны в костяшках. Бандит делал именно то, о чем говорил покойный разбойник - порывая, насильно распростертую животом вниз на тюке сена девушку. Она только стонала - судя по всему, кричать у нее сил уже не было.

Но когда Элайн приблизилась на расстояние двух шагов к спине насильника, Хильда подняла опущенную голову и отчетливо закричала «А-а-ааа!».

Видимо, этот поденок сделал Хильде больно. От этого крика Элайн перестала соображать и решительно шагнула к Томлаву.

Она никогда не владела кинжалами в совершенстве — только на том уровне, которого ей хватало, чтобы приканчивать поверженных врагов. Поэтому она не стала бить бандита под лопатку или в подмышку. С непривычки можно было и промазать.

Элайн резким движением запрокинула голову насильника и с нажимом провела бривенно острым клинком по мягкой и незащищенной шее. Этот способ она применяла первый раз — хотя неоднократно видела, как делают это другие. Стремление выполнить этот немудреный прием точно и быстро отвлек ее от окружающего мира и Элайн не услышала, как Хильда в этот самый момент громко простонала - «Еще! Еще!»

Но Томлав не уже не мог «еще». Он уже ничего не смог. Из его горла пошли кровавые пузыри и бурный красный поток залил его грудь, пролившись яркими пятнами на Хильду. Он мешком повалился на ее спину и забил ногами в пол, хватаясь за шею. Это продлилось недолго — очень быстро его тело обмякло и перестало двигаться.

Зрелище было отвратительное. Но не оставлять же труп этого поганца на девушке? И Элайн, скривив от отвращения лицо, попыталась сдернуть агонизирующий труп на пол. Это ей удалось, и Хильда сразу дико завизжала.

Визг Хильды не был неожиданностью. Этого вполне следовало ожидать - внезапное превращение партнера — даже такого - в труп с перерезанным горлом... Подобное мало кого оставляет равнодушным.

Но вот дальнейшая реакция изнасилованной девушки ввергла королеву в ступор.

Приподнявшись на локтях Хильда посмотрела на Томлава и заорала так, что сделала бы честь самому Архидемону:

- Что ты наделала!!! Сука! Убийца! Что ты наделала!! Убийца!! Убийца!

Через несколько секунд она вскочила на ноги и даже не оправив задравшийся подол, бросилась с растопыренными пальцами на Элайн.

- Тварь! Тварь!! Тварь!!! Убийца, паскуда! Да что же ты наделала, гадина? Что же ты наделала? Как ты посмела! Зачем ты убила его? Зачем?

Королева совершенно произвольно схватила ее за запястья — и вовремя, иначе бы Хильда вцепилась бы ногтями ей в лицо. Пытаясь выкрутить руки из прочного захвата, девушка продолжала громко причитать, повторяя одни и те же слова:

- Убийца! Тварь! Убийца! Что же ты наделала? - и внешне осела на пол, залившись горестными слезами. Элайн так же машинально выпустила ее руки и Хильда подползла к трупку своего мучителя.

Королева ничего не понимала. Почему эта девушка так плачет? Что Элайн сделала неправильно? О чем так страдает Хильда? Это же бандит, вымогатель, насильник. Что с ним можно еще сделать, кроме как казнить на месте? На ее родине смерть таких отбросов была благодарностью Создателя.

- Ох! Святые Хранители!..

Элайн обернулась — в дверях стояла Этил с тугим мешочком в руках. Она наконец-то досчитала свои деньги.

Ее расширенные глаза застыли на валявшемся теле уже остывающего Томлава.

- Хранитель Света, предвечный и святой... Да что ж это такое? - прошептала хозяйка усадьбы.

- Это? Мертвый бандит. - подала голос Элайн. - Его дружок тоже мертв, вот.

Этил перевела невидящие глаза на королеву.

- Что же ты наделала, солны... Зачем? Зачем ты это сделала?

Элайн с достоинством выдержала взгляд помертвевших глаз Этил.

- Я никому не позволю безнаказанно никого насиловать. Ни меня, ни Хильду! С такими уродами разговор может быть только один. И я им уже все высказала!

Остановившиеся зрачки Этил панически забегали.

- Да они же... Вольная Стража! Они же отомстят! Все пожгут, по миру пустят, всех убьют! И меня и внучку мою, и работников моих! Лошадок зарежут! Да как же это? Что нам делать?

Тут подала голос Хильда, немного пришедшая в себя. Она медленно поднялась с колен и дергая рукой за свое дорожное ожерелье — как будто оно ее душило, буквально провыла

- Ты зачем Томлава убила, твааарь?

- Но... - Элайн не успела ничего ответить.

- Он же мне через год обещал дом купить! Он ко мне приехал, понимаешь ты, рыжая сволочь? Ко мне! Ко мне, понимаешь? - Хильда медленно приближалась, дергая рукой украшение. - Да откуда же ты взялась на нашу голову?! Лучше бы ты сдохла тогда на поляне, чем мой Томлав сейчас! Я, может быть, через год замуж за него бы вышла!

От неожиданности Элайн не нашлась, что ответить. Так значит, этот бандит — жених Хильды?

Невероятно. Она даже затрясла головой, словно стараясь проснуться. Значит, он ее не насиловал?

- Так он тебя не... - прошептала королева.

- Да! Да! Он меня любил! Он мне подарки делал! Да! Слышишь, убийца? Ты меня слышишь? - Хильда опять впала в злобное бешенство — ее лицо покрылось пятнами, а в глазах металась самая настоящая буря. Элайн словно посмотрелась в зеркало — ведь она тоже бывало, приходила в такую же ярость. И если честно, впечатление от увиденного было далеко не из приятных. Именно в таком состоянии она и прирезала этого Томлава.

«Рыжая волчица...» - пронеслось в голове Элайн. «Я знаю, меня так называют. И видимо, поделом называют...»

- А я думала, что он тебя насиловал... - попыталась оправдаться Элайн.

- И что мне с тобой сделать? - заламывала руки Хильда. - Томлава не вернуть! Он умер! Гадина!

- Действительно, что нам делать-то дальше? Ведь пожгут нас — и Хранитель не спасет!

Этил, видимо, Томлав интересовал меньше всего, поэтому она сразу перешла к имущественным вопросам. Это уже был другой разговор. Во всяком случае, тягостную тему ошибочного убийства можно было сменить на обсуждение дальнейшего будущего.

- Их надо похоронить. - торопливо предложила Элайн. - Выкопать глубокую яму, а потом заровнять и засыпать чем-нибудь сверху.

- Этим ты Вольную Стражу не обманешь! - сердито пере-

била ее Этил. - Они...

- Они будут искать меня. - в свою очередь перебила ее Элайн. - Потому что ты всем скажешь, что они якобы погнались за мной. Я тебе уже говорила, что ухожу отсюда? Ну вот, теперь у меня есть лошадь, одежда и то, что у них найдется в переметных сумках. А второго коня можешь оставить себе.

- Но они ведь все равно дознаются! - горестно возразила Этил, непроизвольно поглаживая мешочек с деньгами.

Элайн только махнула рукой.

- Пока они хватятся, пока приедут, пока хоть что-то узнают... Кстати, если ты не будешь ни в чем признаваться, то твои деньги останутся при тебе. Иначе они все отберут. И тогда пожгут твой дом.

Этил перестала поглаживать мешочек и непроизвольно ухватила за него двумя руками. Видимо, такая перспектива ее совершенно не устраивала.

- Да я тебя сама сдам Вольной Страже! - вклинилась в разговор Хильда. - И пусть они тебя вздернут на крепком суку, убийца!

Но Этил сама вмешалась, прежде чем Элайн открыла рот.

- Наши лошадки важнее, чем суд этих Вольных Стражников! И я тебе давно твердила, что не дело это искать мужа среди вольных братьев! Будешь болтать им лишнего, так я тебя прокляну! Хочешь, как Серая Вдова на пепелище скитаться?

И обернувшись к Элайн, не менее твердо продолжила.

- А ты иди отсюда своей дорогой куда глаза глядят. В недобрый час я тебе помогла. Ни благословения, ни доброго слова для тебя не будет. Я тебя больше не знаю, и чтобы ты меня никогда больше не видела.

И она бережно обняла Хильду:

- Пойдем в дом, мое солнышко.

Глава 3

Квайд привычно потянулся, разминая затекшие мышцы и тоскливо посмотрел на небо. Да, до захода солнца было еще далеко — а это значит, что ему еще сидеть и сидеть, наблюдая за Белой Дорогой. Ни ветерка, ни шороха. Все застыло вокруг — даже листва на деревьях не колыхнется.

Квайд отмахнулся от гудящей мухи и переложил палицу себе на колени.

И чего тут сидеть — все равно по этой дороге давно никто не ездит. Во время Большой Смуты на ней порезвилось много народу, обирая до нитки купцов и проезжих. Вот теперь на ней трава сквозь белые кирпичи и прорастает.

Но раз Гутторм, командир отряда, приказал сторожить — пришлось идти и сторожить. Но чего же тут сторожить?

Гудящая жирная муха наконец то уселась на травинку и медленно поползла по веточке. Квайд прицелился и резко плюнул на нее с оттягом. Попасть так и не удалось, а противное насекомое взлетело и начало кружиться вокруг него, норовя усестись на лицо.

Квайд взмахнул рукой, отгоняя ее от себя. Отгонять от себя пришлось и обиду — весь отряд сейчас на пирушке — заливается вином и пивом, а он должен сидеть тут и тайком прикладываться к фляжке. Гутторм не переносил нерадивых часовых — а выпивка на посту считалась у него грубым на-

рушением. Привычки бывшего имперского лейтенанта сидели в нем крепко.

Но сегодня он был со всеми непривычно добр и приветлив. И кроме бочонка редкого красного портера, выставленного на стол, даже объявил, что скоро выдаст всем премию.

Так и сказал:

- Хорошо поработали, ребята! Будет Вам завтра премия! По кошельку золотых каждому!

Эта новость вызвала, прилив необыкновенного энтузиазма у его подчиненных, немедленно бросившихся отмечать такое событие. А вот Квайда отправили на пост. Эээх!

За спиной раздался шорох и Квайд резко обернулся, схватившись за оружие.

Гутторм, засунув руки за пояс, приближался к нему во весь рост, откровенно позеывая.

- Что, Квайд, никого не было?

- Да нет. По Белой Дороге никого и не будет. Зря я тут сижу.

- Сиди, сиди! Если пропустишь кого — лично глаза вырву. - он сказал это небрежным тоном, будто шутя. Но Вайд прекрасно знал, что главарь шайки не шутил — если захочет, он так и сделает.

- Я важного гостя жду — лениво пояснил он. - Он по Белой Дороге и приедет. Так что смотри в оба!

- А что за гость то? - поинтересовался Квайд.

- Не твоего ума дело. - прервал его Гутторм. - Ты главное,

как увидишь человека в мантии на белой кобыле — немедленно мне сообщи, понял? Он здесь должен быть часа через два. И вообще смотри, чтобы никто лишний тут проехал! Мало ли что.

И стремительно наклонившись, одним ловким движением выхватил фляжку у Вейда из-за пояса и злобно прошипел:

- Заливать свои глаза потом будешь. Когда я тебя с поста сменю!

Часовой только вздохнул и уставился на дорогу.

Сколько прошло времени, пока на повороте не показалась медленнодвигающаяся фигурка — одному Хранителю известно.

«Наконец то!» - Квайд вскочил на ноги и вытянул шею, присматриваясь к приближающемуся путнику.

Увы, он был совсем не похож на человека в мантии на белой кобыле. К Форту Даррен, обители шайки Гутторма, приближался пеший путник, ведущий за собой гнедую лошадь с перекинутой через седло дорожной сумкой.

Когда он приблизился к Квайду на близкое расстояние, то стало отчетливо видно, что это не столько путник, сколько одинокая путница. В нынешние лихие времена уже это было само по себе довольно-таки необычно, но кроме всего прочего молодая путешественница была одета не в дорожное платье, а в мужской кожаный костюм. Ее голова была непокрыта и густые рыжие волосы были стянуты на затылке в длинный хвост. Ни лука, ни меча на ней видно не было.

«Эге!» - подумал Квайд, рассматривая туго набитую сумку на спине лошади. - «Вот это сюрприз! Куда лучше выпивки!»

Его взгляд переместился на стройные ноги и полную грудь молодой женщины.

«А вот этот подарочек, сдается мне, будет действительно намного лучше того самого красного портера!»

Пудобнее перехватив свою палицу, он с шумом выбежал из кустов на дорогу прямо перед девушкой.

Лошадь испуганно заржала и попятилась, а путешественница от неожиданности отступила на шаг назад и оглянулась, видимо пытаясь рассмотреть сообщников нападавшего. Ну, чтобы справиться с бабой, Квайду сообщники были не нужны.

- Стоять! - заорал Квайд, размахивая своей окованной дубиной - А ну, выкладывай, что ты тут везешь! Все выкладывай!

Она не произнесла ни слова. Зеленые глаза женщины уставились на него с нескрываемой злостью. Никакого испуга на ее лице не отразилось — было явно видно, что путешественница ничуть его не боялась.

Это в планы разбойника совершенно не входило и для пущего устрашения Квайд взмахнул оружием прямо перед ее носом.

- Кому сказал, рыжая! Давай-давай! Скидывай поклажу! - он попытался придать голосу максимально грозный тон.

«А с ней я разберусь потом. Сначала денежки!»

Вообще то, при взгляде на ее фигуру вблизи ему стало ясно, что эти самые денежки будут не главным призом этой встречи. Но жадность пока брала верх над его похотью.

Девушка еще немного отступила назад и стала заводить руку за спину, не сводя с него бешеных глаз. Она так и не произнесла ни слова.

«Ого! У нее за спиной, наверное, кинжал!» - И Квайд, не теряя времени, замахнулся на нее по-настоящему.

Но вместо того, чтобы выхватить клинок, который у нее действительно висел за спиной, путешественница резко пнула Квайда в пах. Это было сделано настолько быстро, что он не успел ни отклониться, ни отпрыгнуть. Удар окованного железом сапожка был так силен, что у разбойника от жуткой боли потемнело не только в глазах, но и в голове. Ни о каком бое и тем более призах и добыче не было и речи — его оружие полетело на землю, а он сам судорожно схватился руками между ног, заглатывая открытым ртом воздух.

В этой позиции он простоял недолго — она все-таки выхватила кинжал причудливой формы из-за спины и точным движением вонзила лезвие Квайду в шею, прямо под подбородок.

Из горла мужчины послышалось глухое бульканье - кровь рекой потекла ему на грудь. Его широко выпученные глаза последний раз посмотрели на этот мир и тело кулем свалилось на поросшую травой Белую Дорогу.

Элайн взглянула на свое оружие и удивленно подняла брови — кровь на фигурном лезвии слегка дымилась, как будто ее нагревали. Такого она никогда раньше не видела. Впрочем, сейчас это было неважно. Наклонившись к труп, она обтерла кинжал о его одежду и быстро обыскала нападавшего. Кроме небольшого кошелька с деньгами, ничего примечательного у него не было. Немного поколебавшись, она подняла с земли палицу.

Это была грубо обтесанная дубина, окованная металлическими полосами.

«Мужичье!» - брезгливо подумала Элайн, но палицу назад не бросила.

В любом случае для рукопашного боя с несколькими противниками это будет намного удобнее, чем нож, пусть даже и боевой.

Она еще раз внимательно огляделась - нет ли кого-нибудь рядом. Недалеко, среди редких деревьев мелькнули каменные стены какой-то башни. Элайн на несколько мгновений задумалась и потянув лошадь за повод, решительно зашагала в этом направлении.

* * *

Гутторм с удовольствием оглядел подвальную комнату, где около стола с закусками и выпивкой вповалку валялись его бывшие сподвижники. Зелье, которое ему выдал Адларас, не подвело — все спали, как говорится, без задних ног.

«Красный портер! Ха!»

И он жадно потер руки. Та сумма, которую ему пообещал Адлабрас за Серебряные Доспехи, была слишком велика, чтобы делиться такими деньгами с неотесанным быдлом. Правда, пока что обещанное золото не в его руках. Поэтому эти с позволения сказать, солдаты всего лишь спят — если этот колдун-прохиндей его вздумает обмануть, эти мужланы еще ему послужат. Ну а если не обманет... Он просто перережет всем глотки и спокойно поедет в Феор. С такими деньгами он вполне может очень неплохо устроиться и жить в свое удовольствие где угодно. И этот самый выскочка Хаммельн так вовремя погиб, хе-хе.

Он ткнул ногой в какое-то тело, валявшееся на полу рядом с ним. Тело в ответ лишь что-то промычало и продолжало похрапывать.

«Отлично!» - он опять потер руки и вышел в темный коридор. Пройдя несколько шагов, он оказался в своей личной комнате, примыкавшей к оружейному складу.

Полуразвалившаяся башня, которая, когда-то называлась Форт Даррен, оказалась сущим подарком для его банды. Обширные подвалы с просторными комнатами давали возможность не только отдохнуть после набегов и грабежей, но и хорошо прятаться от Имперской Гвардии. Гвардия конечно, была уже не та, что раньше. Великая Смута выкосила много умелых и храбрых солдат. А те, что остались... Им бы в городах суметь удержаться, какие тут уж поиски по дорогам.

Первым делом Гутторм посмотрел на большие песочные

часы, стоящие на его столе. До срока оставалось где-то треть. Да, время еще есть. Он подошел к стене и звякнув ключами, приоткрыл крышку большого черного сундука, любуясь на его содержимое.

Доспехи не зря назывались Серебряными. Их гладкая поверхность была отполирована так, что в нее можно было смотреться как в зеркало. Если бы они не были столь тяжелыми, Гутторм сам был бы не прочь их одеть. Хотя бы для того, чтобы покрасоваться.

Он отодвинул кирасу в сторону — под ней тускло блеснуло лезвие меча. После того, как знаменитый капитан Блайтхар напоролся на их отряд, с его трупа сняли не только эти доспехи.

«Черная Лилия». Знаменитый меч сэра Блайтхара. Великого героя Блайтхара. Но его героизм и известность не помогли истекающему кровью воину. Да и не смогли бы помочь — раненый капитан, добравшись до форта, не подозревал, что лейтенант Гутторм уже больше не служит в Имперской Страже. С некоторых пор Гутторм вообще никому не служит только себе. Но бедняга Блайтхар этого не знал. И так неосторожно снял шлем...

Он вогнал в лоб капитана арбалетный болт, даже не ответив на приветствие старшего по званию. Он сам себе командир. Никто, ни Хранители, ни Империя, ни тем более капитаны Блайтхары не будут ему указывать что делать. Он — свободный человек и никому не даст лапоть свою свободу!

Вот так!

Конечно, он несколько поторопился. На самом деле было бы интересно узнать, откуда около Форта Даррен взялся раненый герой Империи без денег, без еды и лечебных зелий. Впрочем, какая разница. Главное, на нем можно очень хорошо заработать!

На Серебряные Доспехи покупателя он уже нашел. А вот с мечом спешить не надо. С «Черной Лилией» надо ехать в Феор. Там за такие мечи платят золотом по весу. Даром что этот меч тяжелее обычных раз в три.

Гутторм прикоснулся к искусно выкованной гарде, украшенной красиво переплетенными стальными лепестками. Каждый вороненый лепесток был инкрустирован тонкой узорчатой золотой нитью. Одна только гарда этого меча вместе с рукоятью, обтянутой тисненой кожей, стоила кучу золота.

Да, таких кузнецов уже нет. Повывелись. Во всяком случае Гутторм во всей Хорманн-ской Империи не знал ни одного мастера, который бы смог повторить это великолепие. Да и не котируются в Империи мечи. Всем бы что попроще — булавы там или шестоперы.

Сам Гутторм тоже не любил фехтовать. Подставлять себя под удары? Ну уж нет. Вот арбалет — это другое дело. Издалека да прямо в глаз!

Он осторожно опустил крышку сундука и бросил взгляд на пересыпающийся в стеклянной колбе песок.

«Надо посмотреть, не заснул ли этот Квайд на посту».

Он немного подумал и снял со стены свой арбалет. Взвести его нажатием рычага и наложить болт — для него было делом одной минуты. Гутторм поудобнее ухватился за приклад — пока вся его команда спит — надеяться можно было только на себя.

В углу комнаты послышалось шебаршение и скрип.

«Проклятье! Опять эти крысы!»

Несмотря на все свои достоинства, подвалы форта обладали одним крупным недостатком — там водилась прорва нахальных черных крыс с красными глазками и розовыми хвостами. Вот и сейчас из черного провала в осыпавшейся кладке выглядывала морда грызуна, решившего изучить помещение.

Гутторма аж передернуло от отвращения. У него были немалые счета к этим паразитам, сожравшим и испортившим не один пуд продуктов.

И все эти продукты стоили немалых денег. Тех самых золотых кружочков, которые Гутторм считал залогом своего счастливого будущего.

Он прицелился было в крысу из арбалета, но потом опомнился. Тратить болт и рисковать наконечником ради крысы?

Главарь отряда аккуратно положил арбалет на стол и стащил с ноги тяжелый сапог. Крыса, высунув из норы мордочку, все еще поводила носом из стороны в сторону, забавно топорща усы. Но пока так и отваживалась вылезти оконча-

тельно.

Гутторм занес сапог над головой и прицелился.

Еще немного и он сам превратился бы в крысу, которую застали врасплох — но чутье старого вояки не подвело его и в этот раз.

Он резко повернул голову — и вовремя. В дверях стояла какая-то рыжая женщина с дубиной в руке. Она не сделала и шага, как Гутторм, резко развернувшись запустил в нее сапогом.

Думать и спрашивать кто она и зачем было некогда. С вооруженными незнакомцами в Форте не церемонились — если после боя останутся в живых, тогда может и спросят, чего-нибудь.

Уже бросаясь к арбалету, он мельком заметил, что палица в ее руках ему хорошо известна. Точно такая же дубина была в руках Квайда... Ламм его побери, так ему и надо, этому пьянице!

Женщина легко уклонилась от сапога и заметив, куда устремился ее противник, проделала тот же фокус что и Гутторм - размахнувшись, бросила дубину. Но при этом она все не пыталась попасть по главарю. Палица ударилась о арбалет, раздался громкий щелчок и толстый короткий болт ударился о каменную стену, оставив Гутторма без решающего аргумента в начинающемся диалоге.

Ну что же, придется драться без оружия — ведь непрощенная гостья тоже осталась с голыми руками.

Гутторм ринулся на противника. Отсутствие сапога не могло помешать ему хорошенько врезать этой рыжей нахалке.

Увы, судьба была немилостива к нему — в руке у нахалки появился изогнутый кинжал. Правда, было хорошо видно, что она держит его не как профессиональный убийца.

«Ну кто же так сжимает его в кулаке, клуша... Лезвие нужно держать словно перо!»

И сделав обманный замах правой рукой, он легко перехватил левой ее руку с кинжалом. Теперь правой рукой выкручиваем кисть и...

Все опять пошло не так, как он хотел. Сила ее рук оказалась на проверку далеко не женской. Выкручиваться эти ручки во всяком случае не желали. Мало того, девушка, сжав зубы и злобно сощулив глаза, вцепилась левой рукой в его предплечье.

Это было очень больно — на руке словно волк сомкнул клыкастую пасть. Но самое удивительное было не это. Гутторм никогда не видел столько ярости на женских лицах. На рыдающих от бессилия, злобствующих, проклиняющих его всеми богами он посмотрелся достаточно — через его руки прошло довольно-таки много всяких бедных поселянок и благородных леди. Но вот такого неистового безмолвного бешенства он не видел никогда.

Рыжая нахалка попыталась ударить его ногой, но Гутторм коленом отбил ее удар. Уж на такой примитив его взять было

нельзя.

Ну раз не получается выкрутить руку, тогда придется по-другому. Продолжая зажимать ее правую кисть левой рукой, правой он ударил эту девку снизу в челюсть.

«На, красотка, получи!»

Это пришлось делать без должного размаха, но и так тоже неплохо получилось - Ее голова мотнулась назад. Через секунду она разжала пальцы и ее кинжал упал на пол. Теперь она держалась за его предплечье двумя руками.

«Ага!» - и Гутторм, радостно ощерив зубы, теперь по-настоящему размахнулся для окончательного удара. Для этого ему потребовалось немного отступить назад, оперевшись на босую ногу.

Но противница успела раньше очень сильно дернуть его за схваченную руку. Так сильно, что он чуть было не полетел вперед головой. Во всяком случае весь его молодецкий замах ушел в воздух.

А потом случилось что-то невообразимое.

Громко замычав от напряжения, эта девица еще раз дернула его руку, но теперь не вниз, а вбок и вверх, будто бы пытаясь раскрутить над головой воображаемый меч.

Гутторм дико заорал — несмотря на его сопротивление, этот странный прием разом вывернул его руку из плечевого сустава. Второй рывок был еще сильнее первого — и в его локте что-то противно хрустнуло — ему показалось что он сейчас умрет от дикой боли. Из последних сил Гутторм

замолотил свободной рукой по ее телу, стараясь оттолкнуть ее от себя, но было поздно.

Элайн выкрутила захваченную руку вокруг оси точно так же как она поворачивала меч в животе какого-нибудь гарлока — и воющий от боли противник повалился под ее ноги.

Для того, чтобы подхватить кинжал с пола и воткнуть его в левую подмышку этого детины было делом нескольких секунд. Его тело выгнулось в краткой агонии, ноги заскребли по полу — и он затих.

«Проклятье!» - она вытерла рукой рот. Удар этого бандита по лицу разбил ей губы до крови.

Она подошла к ближайшему стулу и обессиленно опустилась на него. Да, все-таки недавние роды давали о себе знать — когда-то такой несложный и короткий бой ее только бодрил. А сейчас ей нужно было немного передохнуть и успокоиться. Элайн огляделась вокруг — просторная хорошо обставленная комната - тяжелый стол из полированного дерева, ковер на стене, шкаф и несколько прочных сундуков вдоль стен. Большая кровать с набросанными шкурами в дальнем углу. Четыре факела в вычурных стойках под низким потолком.

Наконец она перевела дух и взялась за свои волосы — они сильно растрепались. Никаких заколок у Этил не было и рыжие пряди пришлось связывать сзади простой веревочкой.

«Может быть тут и заночевать?» - мелькнула мысль. «Наверняка на кровати будет куда мягче, чем на подстилке в ле-

су. Только труп наверх вытащить... Кстати, а что там в этих сундуках?»

Но первым делом она полезла не в сундуки. На самом деле ее очень интересовала любая карта с названиями. Желательно карта всего Тедаса. Насколько она поняла, в этой местности, куда ее так внезапно перенесло, все называли какими-то другими, никому неизвестным именами. Ни про Ферелден, ни про Орлей, ни про Тевинтер матушка Этил слыхом не слыхивала. А первые люди, которые повстречались ей на Белой дороге оказались бандитами, с которыми разговор о местности увы, так и не сложился.

Так что вся надежда была на хорошую, подробную карту. Уж очертания Ривейна, Ферелдена и Амарантайского Океана она определит. Как бы они тут не назывались.

Она пошарила по столу и в ящиках — но там был какой-то мусор. Ложки, обрывки бумажек, шнурки... На столе стояла серебряная тарелка с огрызками и початая бутылка вина.

На полках в шкафу обнаружилось несколько комплектов мужских курток и штанов из бархата и шелка да три широких кожаных пояса. По привычке Элайн даже приложила к груди одну куртку, но вовремя опомнилась и бросила ее обратно.

Путешествовать в бархате было крайне неразумно — для этого кожаный костюм подходил намного лучше.

Что ж, теперь можно было осмотреть сундуки.

«Ну прямо как во время обыска храма Андрасте!» - поду-

малось ей. «Как раз мы тогда искали ключ к дверям, и пришлось лазить по всем сундукам в кельях...»

Она вздрогнула и остановилась. При слове «мы» ей вдруг захотелось заплакать.

«Алистер... Где же ты, Алистер! Как ты там?» - боль снова тисками сжала ее сердце. Она даже оперлась рукой об стол. Ничего, это сейчас пройдет. Она доберется до своего дома. До мужа, до сына. Доберется, чего бы ей это не стоило!

Наверное, потому то она так взбесилась, когда ее попытались остановить и ограбить. «Долбаные разбойнички! Ничего, зато теперь эти двое бандитов уже ей не помешают!»

Один сундук был практически пуст — на дне валялись два пустых кожаных мешка и кусок холста. А вот когда она открыла второй...

Элайн на мгновение аж задохнулась — в нем лежали потрясающей красоты доспехи. Таких доспехов ей не приходилось видеть никогда, а через ее руки прошло немало такого рода изделий. Она вытащила шлем и стала его внимательно разглядывать. Выделка была безукоризненна. На ровной поверхности было не видно ни одного грубого шва, ни одной вмятины, ни одного заусенца. И кроме того — потрясающая полировка. В шлеме можно было смотреться, словно в зеркало. Правда это зеркало было кривое — но в конце концов, доспех для этого и не предназначался. Правда вот металл... Сталь? Сильверит? Непонятно. В любом случае это лучше, чем кожа.

Она ухватила за кирасу, но внезапно замерла. Под кирасой блеснуло узкое длинное лезвие.

«Меч! Я нашла меч!»

Доспехи мелодично зазвенели, когда тяжелый клинок поднялся со своего ложа. Он был воистину великолепен. Она осторожно взяла в руки узкое и также полированное до слепящих отблесков лезвие с вычурной вороненной гардой, украшенной золотыми вставками. Такое впечатление - будто она держала черный цветок с длинным серебристым стеблем. Лепестки этого убийственного цветка были покрыты тонкой золотой паутиной. Работа гениального мастера.

«Действительно, как Черный Цветок. Я буду называть его Черный Цветок».

Она придиричиво осмотрела заточку лезвия. Да уж - трогать его пальцем для проверки совершенно не стоило.

Только вот вес этого меча... Даже для нее, выпившей в свое время силу дракона, он был довольно-таки тяжел. Ее первый легендарный меч, носивший гордое имя «Юсарис», размеры и толщина которого пугали любого мирного человека чуть ли не до икоты, помнится, был полегче.

«Хотя... Может быть я просто распустилась? Сколько времени я не была в тренировочном зале? Пять месяцев? Или все шесть? И если учесть еще мои роды...»

Она взмахнула мечом над головой. Он сидел в руках словно влитой — его центровка была безукоризненна.

«За такой меч гномы бы попросили несколько тысяч зо-

ЛОТЫХ...»

У нее просто зачесались руки испытать такое приобретение. И она с разворота ударила мечом по толстой ножке стола. Долгие тренировки и бои не прошли даром - руки сами вспомнили правильную хватку и нужное движение.

Тяжелое лезвие разрезало деревянный брусок так же легко, как нож срезает тонкую ветку. А дальше произошло то, что должно было произойти - стол покосился и обрушился. Тарелка и бутылка, а также арбалет и еще какая-то мелочь полетели на пол, радостно звеня и подпрыгивая. Бутылка так вообще разбилась вдребезги, образовав небольшую темную лужу

«Ну вот, дуреха! Обрадовалась! Вот и будешь ночевать теперь среди мусора! Мало тебе убирать мертвецов, так еще и ходить по осколкам! Ладно, ладно...»

Элайн начала примерять доспехи и порядочно огорчилась. Прежде всего она примерила на себя кирасу и сразу же обнаружила, что сверкающий до рези в глазах нагрудник на нее не лез. Очевидно, что у человека, для которого она делалась — грудь была намного меньше, чем у нее.

У Элайн, как и у большинства ферелденок, был и так достаточно полный бюст, а после родов прибывшее молоко сделало ее грудь еще больше.

Помнится, та самая Этил, кроме тутого бинтования груди, даже пару раз прикладывала к ее груди капустные листья. Бррр. Молоко уже практически не текло, но грудь до сих пор

заметно болела.

Так что натягивать эти доспехи во что бы то ни стало она не будет — это было бы очень мучительно. А одевать один только шлем с поножами и нарукавниками... Ну уж нет.

Для проверки она попробовала надеть шлем — он оказался ей мал и попытавшись надеть его до половины, Элайн стащила его с головы и отложила в сторону.

Унести их с собой?.. Они занимают очень много места и к тому же тяжелые. Они просто все не влезут на её лошадь, а у неё и так немалый груз. Меч она заберет обязательно, а за доспехами можно будет как-нибудь вернуться.

Вполне может быть, что, когда она доберется до этой самой столицы — все образуется само собой и без доспехов. И карта нужная найдется и вообще... Что именно будет «вообще» Элайн додумать не успела.

В проеме двери мелькнул чей-то силуэт.

Она сделала несколько шагов к выходу, уверенно сжимая в руках настоящее оружие, а не крошечный кусок стали, которым только брюкву резать.

В дверях никого не было. Элайн осторожно выглянула в коридор. И там вроде никого. Так откуда же...

Из-за поворота чуть ли не выпрыгнула фигура в длинной голубоватой мантии и вытянула руки.

С кончиков скрюченных пальцев сорвался бледный сияющий шар и устремился прямо в лицо. Увернуться не удалось — шарик двигался слишком быстро.

«Какого демона!!» - не успела даже испугаться Элайн, подбегая к неизвестно откуда взявшемуся колдуну. Шар, должен был что-то сотворить с ней, но она ни ослепла, ни остановилась, ни обожглась. Как будто и не было ничего.

Длиннобородый волшебник удивленно уставился на свои руки.

-К-ааак? - раздался его голос. Он говорил высоким, чуть ли не петушиным голосом. - Паачему??

Несмотря на то, что незнакомец явно умышлял что-то недоброе, с убийствами на сегодня надо было прекращать. Вполне вероятно, этот маг много знает. Поэтому Элайн лишь ударила его эфесом в лоб. Не с размаху, а так — чтобы оглушить.

Увы, волшебник оглушаться не пожелал. Он только громко икнул и вскинул руки для новой ворожбы. Пришлось ударить второй раз и посильнее. Что ж, вот этот удар достиг желаемого — ее противник икнул еще раз, дернул головой и осел на пол.

Она наклонилась к нему — уже достаточно пожилой мужчина, с длинной бородой, в которой явственно пробивалась седина. Слава Пророчице - он еще дышал. Из полуоткрытого рта даже потекла струйка слюны.

Длинная голубая мантия, обшитая белой шелковой тесьмой. Ни посоха, ни колпака...

«Откуда он тут взялся? Надо осмотреть этот подвал получше. А то я здесь так заночую, что потом костей не собе-

решь. Но все-таки, что же он такое колдовал? И почему на нее ничего не подействовало?»

Элайн схватила неудачливого волшебника за руки и волоком затащила в кабинет с сундуками. Уложив бессознательное тело рядышком с трупом, она нашла применение найденным кожаным поясам, связав этому волшебнику руки и ноги.

Сняв со стены факел, она решительно вышла из комнаты - надо было осмотреться еще раз— новых сюрпризов было уже достаточно.

Пройдя по коридору вперед десяток шагов, Элайн остановилась. Впереди стал виден поворот налево – там то она еще не была.

«Черный Цветок», как она уже успела окрестить свой меч, сильно оттягивал левую руку — все-таки он был предназначен для двуручного боя, а не для переноски одной левой. Пришлось воткнуть факел в ближайшую скобу на стене, и ухватиться за него как полагается.

Она осторожно выглянула за угол - поворот открыл перед ней еще один пустынный коридор с несколькими дверями. Перед тем как заглянуть в них, Элайн выяснила, что коридор больше никуда не ведет. Отлично. Теперь можно и проверять комнаты.

Первая же открывшаяся дверь заставила ее чуть ли не охнуть. Большая зала с одним огромным столом, на котором громоздились бочонки, тарелки с объедками, какие-то ово-

щи, куски нарезанного мяса. Лавки были опрокинуты. Но самое главное было не это. Тусклый свет двух догорающих факелов освещал почти апокалиптическую картину - вся комната была завалена трупами. Они вповалку лежали на столе, под столом или просто у стен, обняв пузатые бочки.

Правда через мгновение стало ясно, что это не трупы. Мертвецы не храпят и не бормочут во сне. Комната всего лишь была полна спящих мужчин — по комнате валялось человек двадцать-двадцать пять. Судя по одежде и оружию, они относились к той же породе, что и тот мужлан, пытавшийся ее ограбить на дороге — породе «бандит обыкновенный». Видимо, они все крепко перепились.

Она осторожно пошевелила ногой ближайшего тот лишь всхрапнул, как конь и продолжил безоглядно дрыхнуть.

«Ну вот что теперь с ними делать?» - она неподвижно стояла над ними, опустив меч.

«Связывать? Убивать? О, Создатель - ну сколько же можно убивать?!»

Ей совершенно не хотелось устраивать массовую резню, да еще над беспомощными людьми. Пусть даже и разбойниками. Всех связывать? А хватит ли у нее времени? Ведь они могут проснуться в любой момент и тогда придется иметь дело не с двумя противниками поочередно, а с многими и сразу.

Нет, она не будет сейчас заниматься ни убийствами, ни допросами, ни связыванием этих разбойников. Она просто

заберет с собой столько продуктов, сколько сможет унести, припрет дверь снаружи деревянной лавкой и уйдет отсюда. Видимо судьба не хочет, что-бы она ночевала в этом месте.

Меньше чем через полчаса Элайн снова шагала по выбеленной брусчатке, ведя за собой гнедую кобылу. Лошадь недовольно размахивала коротким хвостом — навьюченной поклажи на ней стало намного, намного больше.

* * *

Дорога пролежала среди невысоких холмов, покрытых густой травой с вкраплениями ярких цветов. Одинокие деревья среди радужного разнотравья постепенно переходили в редколесье, а на горизонте прорисовывалась плотная стена леса.

Каменная башня с разбойниками давно осталась далеко позади. Уже вечерело и солнце неодолимо спускалось к линии горизонта, разбухая в желто-красную тыкву.

«Да, именно в тыкву. Большую и круглую тыкву!» - подумала Элайн. Она вспомнила, как Нэн иногда готовила печеную тыкву, начиненную медом и темным рисом. Ее рот тут же наполнился слюной, а живот явственно свело от голода. Давно было пора остановиться, поесть и передохнуть. Кроме того, судя по темнеющему небосводу, поиск удобного ночлега откладывать дальше было нельзя.

Она целый день гнала себя вперед, не желая останавливаться.

«Домой, домой! Во что бы то ни стало — домой!» Эти

слова она повторяла про себя практически постоянно.

Дробный стук копыт по брусчатке она слышала намного раньше, чем увидела несущуюся к ней кавалькаду. Совершенно инстинктивно она отступила к обочине, потянув за собой лошадь и вытянула тяжелое лезвие из-за спины. Слава Создателю, с этим мечом она чувствовала себя намного увереннее чем с одним изогнутым кинжальчиком.

Пять или шесть рыцарей в чешуйчатой броне пронеслись мимо нее во весь опор, не обратив на нее никакого внимания. Хотя нет, один из них все-таки проводил ее ровным взглядом из-под открытого шлема, но кроме этого ничем своего интереса к ней не проявил.

К спине первого всадника было прикреплен стяг с квадратным темно-синим полотнищем, яростно полоскавшимся и хлопающим в набегавшем потоке воздуха. На такой скорости было трудно в подробностях разглядеть что именно было нарисовано на флаге — но судя по тому, что она успела увидеть - это был орел с вздыбленными крыльями.

Что ж, может быть оно и к лучшему, что они не остановились. Броня, мечи и гордая осанка не делают человека благородным рыцарем. В этом она убедилась давным-давно. Вместо рассказов о местности или сопровождения одинокой путницы эти воины могли с таким же успехом попытаться на нее напасть и ограбить. Да и не только ограбить.

Тот самый бандит с палицей заработал удар кинжалом в горло прежде всего за свое неумение владеть лицом - Элайн

хорошо определяла блеск похоти в мужских глазах. Вообще то сначала она хотела его просто обездвигить и допросить — но после домогательств в Убежище и того самого эпизода в Белом Седле она стала совершенно нетерпима даже к намекам на подобные выходки.

Элайн еще раз взглянула на красную тыкву, практически коснувшуюся краем темной полосы далекого леса и вздохнув, направилась прочь от дороги, чтобы отыскать место для ночлега.

ВТОРАЯ ЧАСТЬ.

СТОЛИЦА ИМПЕРИИ

*Приход наш и уход загадочны, — их цели
Все мудрецы земли осмыслить не сумели,
Где круга этого начало, где конец,
Откуда мы пришли, куда уйдем отселе?
Омар Хайям*

Глава 4

Хранитель Короны Моды Густафс оперся руками об огромный круглый стол и обвел тяжелым взглядом всех присутствующих.

– Ну и что же нам теперь делать?

Небольшой округлый зал был тускло освещен через небольшие окна едва занявшимся рассветом - Совет Хранителей Хорманнской Империи собрался буквально с восходом солнца — дело было неотложное, решать проблему надо было срочно и каждый час был на счету.

Вестейн Стейнмод, Хранитель Законов, потерел свою редкую бородку и просипел — он постоянно разговаривал так, будто его мучила сильная простуда:

– Про это в Вечных Законах Империи не написано ничего.

И сразу же замолчал, продолжая дергать себя седоватый клинышек волос на подбородке.

Хранитель Казны достал платок из кармана и старательно вытер лоснящееся лицо. То-родд Занпарг всегда и везде потел, а его круглые румяные щеки вечно блестели, словно натертые рукавом яблоки. Бороду тереть ему не потребовалось — у него ее просто не было.

Он тщательно засунул платок в обшлаг кружевного камзола и высоким, даже можно сказать, чуть ли не писклявым голосом осведомился:

– Может быть, досточтимый одн Вестейн просто плохо знает Вечные Законы?

Хранитель Законов посмотрел на Тородда с откровенной ненавистью. Они давно были на ножах и никогда не упускали случая поддеть друг дружку по любым поводам. Но сегодня... Сегодня был не тот день, чтобы в очередной раз устраивать соревнования в остроумии. Поэтому Вестейн не стал отвечать Тородду тем же, а ответил то, что мог

– Вечные Законы гласят : « В тот день, когда императора призовет к себе Великий Лайен и трон Империи опустеет, наследник Императора взойдет на трон предков и сменит венец Принца на корону Империи.» Ничего про сумасшествие Императора в законах не сказано.

С противоположного конца стола отозвался Эймунд Хьяртилл, Хранитель Войны.

– Никогда в Империи владыки не сходили с ума.

Совет Хранителей действительно столкнулся с тем, чего ещё никогда не случалось в истории династии Тосеролонов. Хорманнский Император Ридгер Первый обезумел и обезумел внезапно. Еще буквально вчера он был совершенно нормален, а вечером слуги нашли его около зеркала. Владыка самого сильного государства сидел на полу, бессмысленно пялился в стекло, пускал слюни и не отвечал ни на какие вопросы и увещания. С трудом его удалось уложить на кровать. Придворный альтимедик – человек посвященный в практически все таинства медицины, как обычной, так и магической,

осмотрев его величество, решительно заявил, что его знания тут просто бессильны.

Все попытки напоить и накормить владыку окончились ничем — он просто плевался всем, что бы ему не давали — и все также смотрел на полог кровати абсолютно пустым неразумным взглядом, периодически обирая руками невидимые крошки с одеяла. Два раза он уже обмочился и ему меняли простыни.

Ридгер Тосеролен не мог более управлять ни своим телом, ни своим разумом — не то что страной.

Моди молчал и лишь переводил взгляд с одного Хранителя на другого. Когда он уставился на Хранителя Мудрости, тот отвел глаза и печально посмотрел в потолок. Асверу Конигу было стыдно. Великий ученый, создавший Академию Мудрости, не мог сказать ничего путного — почему император так быстро сошел с ума и почему с этим ничего нельзя поделать. Разумеется, всю еду и все напитки проверили сразу же, и альтмаги потратили не один час, пытаясь обнаружить следы заклятий там, где нашли Императора.

Ничего. Никаких следов. Даже сам вид человека, который за один присест превратился в слюнявого идиота был не так ужасен, как это чувство полного непонимания и бессилия. Из знающего все и вся ученого за одну ночь Асвер превратился в полное ничтожество. Ему казалось, что теперь все будут только и делать, как тыкать ему бессилием всей его Академии. Это было очень неприятно. Куда неприятнее то-

го, что Ридгер перестал быть императором.

Собственно говоря, как правитель он был весьма так себе. Едва-едва потушив огонь Смуты, он так и не смог ее прекратить окончательно и что самое отвратительное — именно он подписал мирный статут, по которому Коррилен фактически отделился от Империи. Впрочем, Асверу дела нет до этих всех отделений или приобретений. Лайен с ними, с этими политическими играми - если бы не тот факт, что в результате Империя потеряла рудники с лирном.

И три четверти исследований в Академии встали. Без лирна никакой серьезной магии не сотворишь и ничего серьезного не зачаруешь.

То, что ослабленная Смутой Империя не была в состоянии воевать с Корриленом, Хранителя Мудрости не очень-то волновало. Если Император не может обеспечить Академии лирн значит он плохой Император. А обнищание казны, невыплаченные жалованья, разбегающуюся стражу и упадок ремесел только добавляли недовольства.

Хранитель Казны опять подал голос:

- А что скажет досточтимый Асвер Кониг?

- А что вы хотите услышать? - огрызнулся Хранитель Мудрости. - Все знают, - и он нервно сглотнул обиду, что мне сказать нечего. Такого никогда раньше не бывало и о таких болезнях в наших книгах ничего не сказано.

Тородд булькнул горлом и захихикал:

- А для чего тогда Империя платит такие деньжищи ва-

шей Академии Мудрости? Что-бы вы заявляли, что ничего не знаете? Так это кто угодно может заявить.

Асвер никогда не был вспыльчивым. Вдумчивое чтение научных книг и кропотливая работа над изучением природы не способствует эмоциональным вспышкам. Поэтому он сглотнул еще раз и буркнул:

- Можно подумать, досточтимый одн платит Академии из своего кармана. Кроме того, Империя уже как год ничего Академии не платила.

- В казне нет денег на ваши глупости - презрительно заявил Тородд. - есть вещи поважнее.

- Это какие же вещи, позвольте спросить? - просипел Хранитель Законов.

- Надо достроить торговый порт в Осо. Торговля с Байкином....

- Торговый порт? - сиплый голос Вестейна прервал Тородда. - А мне показалось, что деньги уходят не на порт, а на мраморный дворец Хранителя Казны! Тогда как городская стража тоже не получала деньги вот уже три месяца!

- Да что вы понимаете! - завопил Тородд. - Какой дворец?

- Замолчите! - и Хранитель Короны стукнул кулаком по столу. - Мы должны решить, что нам делать с Его Императорским Величеством! Кто будет править страной, если в Законах ничего нет?

Эймунд Хьяртилл безучастно заметил:

- Если нет закона, в котором говорится что надо делать,

значит придется что-то делать без закона. Сейчас нам нужен временный правитель. Тем более что никто не знает, как долго его величество проживет.

Он немного помолчал и добавил:

- Я считаю, что нужно призвать наследника трона. Несмотря на его разногласия с отцом, он от трона не отказывался, и отец насчет него ничего никому не приказывал.

- По законам Империи он не сможет короноваться, пока отец жив и не подписал отречение - Хранитель законов был непреклонен.

Моди Густафс резко наклонился навстречу Вестейну:

- А вы найдите закон в архивах, по которому наследник может управлять страной при живом отце! Дайте задание своим легистам, архивистам, да кому угодно. Пусть найдут. С коронацией мы еще разберемся — но без символа власти, от имени которого будут издаваться указы и повеления - страна долго не протянет. Мы, что хотим, чтобы Смута вновь подняла голову?

- Тогда за наследником нужно посылать немедленно. Пока посыльный доедет до Нирхалла, пройдет немало времени — тем же тоном добавил Эймунд.

- А что Быстрая Дверь? - спросил Вестейн. - Во дворце же есть Быстрая Дверь в Нирхалл?

- Если вы достанете два фунта чистого лирна, то я вам открою в Нирхалл Быструю Дверь. Но у нас во всей Академии нет и полфунта — с горечью заметил Асвер. - Так что при-

дется посылать гонца.

- Что? Во всей Империи не найдется полфунта лирна? - изумился Хранитель Законов. - Этого не может быть.

- Это может быть. После потери Коррилена, официальная доставка лирна практически прекратилась.

- А запасы? У нас же должны быть запасы? - настаивал Вестейн.

- Если про те самые десять фунтов лирна - заявил Хранитель Войны. - Так это запас для одного запуска Башни Мести в случае нападения Феора.

Хранитель Мудрости промолчал. Он знал про этот запас — потому что запуск Башни Мести во время войны, чудовищного магического оружия для уничтожения вражеских городов, был поручен именно ему.

- Но я его никому не отдам. - продолжил Эймунд. - Никогда. Вы же знаете, что такое Феор и какие у него планы.

- Да ладно — махнул рукой Хранитель Казны. - Вечно вы нас пугаете этим Феором. Нормальная страна и торговля с ней достаточно прибыльна.

- Что? Я не ослышался? Вы защищаете этих алчных негодаев?? - Эймунд аж привстал с кресла.

Все повернулись к Тородду. Феор был главным соперником Империи. Самым силь-ным, самым наглым и самым опасным государством среди соседей Хорманна. Именно он помог Коррилену получить независимость от Империи — что уже являлось смертельной обидой для многих хорманн-

цев. Именно у него была самая сильная армия в мире со стальными чудовищами, угроза нападения которой в общем то и не дала Империи вернуть Коррилен обратно.

- Да ладно — повторил Торродд. - Ну пускай, пускай Феор будет плохим. Держите Башню наготове, мне-то что. Значит, надо посылать гонца.

* * *

Легенда о Рыжей Неле

Давным-давно у знатного и богатого владыки была дочь и звали ее Неле. Девушка была красива, очень красива. Такую красоту Хозяйка Судьбы дарует только особо избранным. Для того, чтобы посмотреть на нее краем глаза, многие юноши были готовы ждать у замка владыки недели и месяцы.

Но Неле не обращала на них внимания — она никому не дарила свое гордое сердце. Никогда ее льдистые глаза не теплели, мало кто видел ее улыбку.

Только лишь охота на быстрых как ветер конях радовала ее сердце. Когда она с распушенной копной русых волос мчалась на своем огненно-рыжем жеребце, загоня зверя — лишь тогда ее голубые глаза сверкали яростным весельем,

Неле не боялась никого — она много раз побеждала свирепых волков и могучих вепрей своей позолоченной рогатиной - и не было для нее сладостнее мгновения, когда животное падало замертво от последнего удара.

Хранительница Леса была недовольна такой кровожад-

ностью юной девушки и пыталась несколько раз предупредить ее - но тщетно.

Ни ломавшие хребет в пылу охоты кони, ни падающие деревья не останавливали Неле - Зверегубительницу.

Наступил день, когда Неле сумела выследить и затравить матерую лису около ее логова. Лиса по своему обыкновению стала выманивать охотников подальше от своей норы с маленькими лисятами, запутывая следы и сбивая собак с толку - но Неле лишь звонко засмеялась. «Эта тварь сейчас сама придет к своим детям!» - и стала рогатиной вытаскивать лисят из найденной норы, безжалостно убивая маленьких зверьков.

В отчаянии лиса-мать бросилась на Зверегубительницу, но Неле одним ударом насадила ее на широкое острие и подняла рогатину с зверем над собой в знак победы. Капли крови обагрили русые волосы охотницы. Умирая на ее копыте, лиса обратилась перед своей смертью к Хранительнице Леса.

«Посмотри, что делает этот человек! Посмотри же и дай ей то, чего она так хочет!»

Увидев, что жестокость Неле к детям Леса зашла слишком далеко, Хранительница превратила Неле в огромную лису. Русые волосы Неле порыжели от пролитой крови, а глаза стали такими же зелеными, как листва дерева, под которым она разгневала Хранительницу. Клыки в ее пасти засверкали золотом, точно ее копыте.

Оборотень в припадке безумия немедленно напал на ото-

ропевших охотников и порвал им всем глотки меньше чем за минуту. И пока она это делала, Хранительница Леса проклинала ее:

- Отныне не знать тебе больше покоя, Неле - Зверегубительница! Теперь ты будешь убивать не зверей, а людей — всех, кто зайдет в этот лес. Мужчин и женщин, стариков и детей. И будешь ты мучиться от тоски к себе и ненависти к людям после каждого зверства. Ты будешь страдать и плакать, но жажда убийства будет глодать тебя сильнее всего на свете. И не возьмет тебя ни сталь, ни дерево, ни камень — чтобы никто не прекратил до срока твои мучения. И будут тебя отныне бояться и ненавидеть, проклинять и бесчестить - как ты того заслужила.

Только один раз в год, в день летнего солнцеворота ровно в полдень среди поляны с тысячью цветов на один час ты сможешь стать прекрасной девушкой. Тот юноша, кто успеет в этот час признаться тебе в любви — вернет обратно тебе человеческий облик.

С тех пор в лесах бесчинствует лиса-оборотень — Рыжая Неле. И не берет ее ни меч, ни стрела, ни копье, ни палица. Нет от нее никакого спасения и нет от нее никакой пощады. Она рвет горло всем, кто пересечет ее дорогу, а потом долго скулит и плачет над трупами, чтобы снова безжалостно убивать всех путников, которые повстречаются на ее пути.

До сих пор так и не нашлось юношей, рискнувших выйти

на поляны этого леса в полдень летнего солнцеворота.

Но это только часть страшной легенды. Если ты попал в лес и хочешь остаться целым и невредимым, то скорее ищи поляну с цветами — на такие поляны Рыжая Неле не заходит никогда. Даже в день летнего солнцеворота.

Глава 5

Кабинет командира гарнизона был невелик и откровенно угрюм. Каменные стены — старые, сложенные ещё при прежних владельцах замка — не поддавались никакому уюту. Хасслер давно перестал пытаться их как-то облагородить. Единственным источником тепла здесь служил камин у северной стены, широкий, с потемневшей от копоти полкой на которой стоял подсвечник и лежала чья-то забытая перчатка. Ночи были все еще прохладные, поэтому в камине горел огонь, шипя на сырых дровах.

Посреди кабинета стоял массивный дубовый стол, заваленный картами, донесениями, списками дежурств и теми бумагами, которые командир столичного гарнизона Фрегг Хасслер откладывал «на потом» уже третью неделю. Сейчас он сидел за ним, когда вошёл Декард. Хасслер скрипел пером над очередным отчётом для городского совета - и это занятие он ненавидел почти так же сильно, как утренние доклады.

Это не относилось ко всем докладам. Если быть совсем точным он не любил именно утренние доклады, которые начинались со слов «там такое дело, господин командир...». Он давно вывел правило: если солдат мнётся на пороге и смотрит в камин, а не в глаза — жди беды.

С Декардом было все именно так. Он переминался с ноги на ногу, словно стоял в луже.

— Ну? — Хасслер отложил перо.

Хасслер слушал молча, подперев щеку кулаком рассеянно поглаживая короткую бородку — тёмную, с первой седой у подбородка, которую он так и не удосужился сбрить за последний месяц. Лишь изредка прикрывал глаза — не от усталости, а от того особого внутреннего усилия, которое требовалось ему, чтобы не перебивать раньше времени.

Когда он дослушал до конца, получалось следующее.

Вчера вечером в «Золотой Свинье» — заведении хорошо известном, предназначенном для состоятельных людей — появилась приезжая. Что уже было необычно. В нынешние времена приезжих было мало. Тем более — одиноких молодых женщин. И тем более ярко-рыжих. Она, судя по описанию, была одета в немного потертый кожаный воинский доспех и запylённые сапоги. За спиной у нее были ножны с тесаком. С началом Смуты женщины вообще старались никуда не ездить, а если и ездили, то всегда в сопровождении мужа или отца, или брата. И тем более не в кожаных доспехах...

Сегодня утром, она спустилась в зал, взяла у стойки кружку, огляделась в поисках свободного места и — вот тут начиналось интересное — уселась за стол у дальнего окна. За стол, накрытый красной скатертью.

Хасслер медленно потёр переносицу.

Традиция была очень старая. Красная скатерть в «Свинье» — и ещё в паре подобных заведений — означала место для женщин определённого рода занятий и их клиентов.

Знал об этом весь город. Всякий местный житель знал. Приезжие — знали не всегда. Но еще раз - приезжих одиноких женщин очень давно никто не видел.

— Она была точно одна? — спросил он.

— Так точно, господин командир. Искала свободный стол.

— Дальше.

Дальше стало очень плохо.

— Патруль из третьей роты. - продолжал Декард. Гофф, Линн, Лансерг. Должны были следить за порядком, но...

— Пили, — закончил за него Хасслер.

Хасслер знал об этой практике. Он с ней боролся. Безуспешно и без особого энтузиазма, потому что понимал: запрети он патрулям освежаться в трактирах, половина людей начнёт пить в казарме, а другая половина уйдет со службы.

— Так точно. Гофф увидел рыжую за красным столиком без мужчины.

Ну да, конечно же Гофф — подумал Хасслер. - Гофф был предсказуем, как осенний дождь — увидел молодую женщину за красным столом и сделал выводы. Выводы были неверными. Хасслер знал его достаточно хорошо — Гофф был из тех людей, которым значок стражи на доспехе давал ощущение безнаказанности. Не злодей, нет. Просто дурак с властью, что зачастую куда хуже.

Декард продолжал

- Решил, что раз она одета в мужской костюм, то просто так ломается. Подошел, начал ла...

— Руки, — тихо перебил Хасслер.

— ...распускать. Да. Она сказала ему чтобы уходил. Спокойно. Гофф засмеялся. Линн подошёл и поддержал. И тогда...

— Что тогда? — голос Хасслера стал плоским, как лист железа.

— Трактирщик сказал, что она встала, Гофф вроде хотел её взять за плечо, а она просто взяла его руку и как рычагом... Прямо захрустело! У Гоффа рука повисла как тряпка. Альтмедик говорит, что кость в щепы.

— Линн?

— Попытался зайти сзади и схватить за волосы. А она повернулась, и схватила его голову и резко лбом в стол. Он брык. Его уже потом наши привели, он сидит сейчас в караулке, пускает слюни, смотрит в одну точку. Альтмедик говорит — сотрясение, но зрачки... они там плавают где-то в затылке.

— А третий?

— Лансерг. Самый молодой. Он ничего не делал. Просто смотрел. Когда Гофф рухнул, он бросил кружку и побежал. Прямо через столы. Растолкал людей. Прибежал сюда первым.

— Значит, один прибежал, - слово «прибежал» Хасслер произнес с нескрываемым отвращением - а двоих разобрали. И это одна женщина. Я правильно понял арифметику?

— Так точно.

Хасслер встал. Боль в пояснице стрельнула огнем. Двадцать лет службы. Он видел, как пьяные латники крушили мебель ради забавы. Но чтобы женщина... вот так... одними руками...

Подошёл к окну. За стеклом утренний город жил своей обычной жизнью — скрипели телеги, перекрикивались торговцы, где-то лаяла собака. Нормальный день. Спокойный.

Хасслер молча смотрел в окно. Долго смотрел. Настолько долго, насколько это было вообще возможно в данной ситуации.

Декард начал переминаясь с ноги на ногу в два раза чаще. Она двигалась быстрее, чем глаз успевает моргнуть. И судя по описанию это была не ярость берсерка, когда кровь в глаза бьет. Холодная механика разделочного тесака. Стало быть, это женщина-воин. Настоящая, не из тех, кто просто носит оружие для виду. Таких женщин воинов он за свою службу видел очень редко - пальцев на одной руке хватит пересчитать, но видел. Люди, для которых драка — это не вспышка ярости, а ремесло. Холодное, отточенное, быстрое.

— Она еще в городе? — спросил он, глядя на крыши.

— Так точно. Сняла комнату в «Свинье». Заплатила золотом. Сказала, придет вечером.

После драки допила кружку и вышла.

— Допила кружку... — повторил Хасслер. Ему почему-то понравилась эта деталь. После драки, она значит, просто допила кружку. Ну-ну.

Хасслер отвернулся от окна.

— Декард.

— Здесь.

Командир подошел вплотную. От Декарда пахло дешевым табаком.

— Слушай внимательно. Гофф пусть лежит в лазарете. Линна оставь сидеть, где сидит, только не забывайте за ними присматривать. Разбираться с ними я буду позже.

Декард сглотнул.

— Женщину не трогать. Никому. Если хоть один идиот посмеет попытаться с ней "разобраться" — вылетит с должности быстрее стрелы. Передашь всем. Понял?

- Так точно.

— Лансерга ко мне пришли. Прямо сейчас. Мне интересно послушать, как именно он *бежал*.

—Так точно.

— Свободен.

Декард вышел. Дверь закрылась.

Хасслер остался стоять посреди кабинета. Тишину нарушал только треск огня. Он сел обратно. Посмотрел на чистый лист перед собой. Потом медленно отложил перо, откинулся на спинку кресла и потёр лицо ладонями.

За двадцать лет службы он думал, что его уже ничем не удивить. Он ошибался.

Он видел разное. Он видел, как пьяные наёмники разносили таверны. Он видел, как опытные солдаты теряли голо-

ву от вина и гонора. Он видел результаты — сломанные столы, выбитые зубы, перепуганные хозяева. Чего только ему не приходилось видеть...

А тут женщина уложила двух его солдат - и не самых плохих! - раньше, чем хозяин дошёл до стойки. С невероятной скоростью. Смог ли он сам сделать так как она? Он задал этот вопрос себе дважды. Ответа не было.

Он сделал пометку на полях списка и подумал, что он обязательно с ней поговорит. До того, как она покинет город.

* * *

Лансерг оказался невысоким, но плотным парнем лет двадцати пяти. На его круглом лице сейчас было написано всё что угодно, кроме гордости. Вообще-то с него можно было писать полотно для галереи городской стражи под названием «Смятение».

Он вошёл в кабинет, встал по стойке смирно и уставился в точку над левым плечом Хасслера с видом человека, который очень старается не думать о том, что сейчас будет.

Хасслер дал ему постоять. Молча. Ровно столько, сколько нужно, чтобы пот начал щекотно стекать за воротник.

Потом заговорил — негромко, без повышения голоса, что было гораздо страшнее любого крика.

— Значит, ты бежал.

— Господин командир, я...

— Я не спрашивал тебя. Я обозначил факт. — Хасслер сцепил пальцы домиком на столе, костяшки побелели. —

Трое вооружённых солдат гарнизона. Одна женщина. Ты бежал, Лансерг. Бежал до казармы, поднял людей и распустил язык. Теперь эту историю обсасывает каждая крыса в Нижнем квартале.

Лансерг молчал. Уши у него горели красными пятнами, похожими на заходящее солнце.

— Гофф — дурак. Это отдельный разговор. Линн решил поддержать этого дурака за компанию, с ним мы тоже потолкуем. — Хасслер медленно поднялся, суставы отозвались глухим хрустом. Он подошел к окну, посмотрел на серую черепицу и снова повернулся к подчиненному. — Но ты, Лансерг... Ты просто сбежал. И теперь солдаты гарнизона пересказывают друг другу, как ты обделался со страху перед бабой.

— Она двигалась... слишком быстро...

— Молчать.

Лансерг замолчал. Хасслер обошел стол. Встал перед ним — не вплотную, но достаточно близко, чтобы парень инстинктивно подобрался.

— Ты понимаешь, что я должен с тобой сделать?

— Так точно, господин командир.

— Но я этого не сделаю. Пока. — Хасслер подождал, пока в глазах парня промелькнет осторожное, собачье облегчение, и добавил тише: — Потому что ты мне нужен. Для начала ты отведёшь меня к ней.

Лансерг моргнул.

— Я... лично?

— Лично. — Хасслер снял со стены тяжелый плащ из плотной шерсти. — Раз уж ты с ней знаком, ты меня ей и представишь. Будем считать это светским визитом. Пойдём.

* * *

Трактир «Золотая Свинья» в дневное время выглядел куда прозаичнее, чем предполагало его название. Пахло пивом, горячей похлебкой и мокрой половой тряпкой. Какой-то мальчишка драил пол с таким ожесточением, будто ненавидел каждую половицу. При виде серебряных орлов на груди Хасслера хозяин заведения сделал сложное лицо, где читалось одновременно «рад служить» и «только не сегодня».

Лансерг шёл впереди, мелко перебирая ногами. Судя по сведенным лопаткам, он опасался всего: скрипа собственных сапог, сквозняка и собственной тени.

Они нашли её на лестнице. Рыжая спускалась со второго этажа. Двигалась она размеренно, без спешки — с видом человека, у которого есть четкий маршрут и конкретная цель. Ярко-рыжие волосы не каштановые, а именно рыжие, того горящего оттенка, который в Хорманне увидишь разве что на картинках в старых книгах — были туго стянуты на затылке, открывая сильную шею. За спиной виднелась рукоять кинжала.

Пронзительно зеленые глаза скользнули по Лансергу — мимолётно, как по предмету мебели — и остановились на

Хасслере. Она стояла тремя ступенями выше. Они оказались почти одного роста.

— Фрегг Хасслер, — сказал он первым. Голос командира разнесся по узкой лестнице гулко. — Командир городского гарнизона. У вас тут вышло... скажем так, небольшое недопонимание с моей патрульной службой.

Несколько секунд она просто смотрела на него. Без вызова, без страха, без приветливости. Просто сканировала, как мясник тушу. Оценивала. Он привык к такому взгляду — сам смотрел так же, когда хотел понять, с кем имеет дело.

— Элайн Кусланд, — сказала она наконец. Добавлять "Королева Ферелдена" она не стала, уже давно было понятно, что ее титул тут ничего не значит и вызовет только насмешки. Голос был ровный

— А, вы об этом... Было. Но раз вы явились почти один, да еще и без отряда поддержки — значит, инцидент исчерпан. Хотя могу вас обрадовать: - я как раз собиралась вас искать. Ну, не лично вас — но кого-то, кто может ответить на мои вопросы.

— Какого рода вопросы? — Хасслер позволил себе тень улыбки.

— Для начала — где я нахожусь. — Она произнесла это совершенно спокойно, как человек, который задаёт вполне разумный вопрос и ждёт вполне разумного ответа.

Хасслер чуть повёл бровью. Игра становилась интересной.

— Вы не знаете, где находитесь?

— Я знаю, что нахожусь в городе Рауссборг. — Она не стала объяснять больше, чем сказала, и в этом была своя законченность. — А дальше — нет, не знаю.

— Понятно. — Он действительно не стал уточнять — пока. — Что ж, я готов вам помочь прояснить и это непонимание. Но тогда нам нужно обстоятельно поговорить.

Он оглянулся на лестницу.

— Трактир — не лучшее место для таких бесед.

Она чуть наклонила голову, соглашаясь.

— Да. Но в казармы я не пойду.

— Я их и не предлагаю. — Хасслер провел рукой вдоль бородки — старый жест задумчивости. —

— Высокая Башня. Там есть люди, которые занимаются наукой, картами, историей, географией. И если у вас вопросы о местоположении — ответы там.

— Далеко?

— Четверть часа пешком.

Она подумала секунду. Коротко, прищулив зеленые глаза.

— Хорошо.

И добавила тем же ровным голосом, без нажима, но так, что воздух в пролете вдруг показался холоднее:

— Должна предупредить. Если кто-то решит предпринять против меня... то, что мне не понравится — он пожалеет. Надолго. Возможно — навсегда.

Каждое её слово легло на место отчётливо

Хасслер посмотрел на неё. Потом коротко кивнул.

— Разумная позиция.

Лансерга он отпустил у дверей. Тот буквально вытек на улицу — с видом человека, которому только что подарили отсрочку от казни.

Они пошли рядом. Хасслер краем глаза следил за ее походкой. В ней не было женской плавности, была экономность опытного бойца. Элайн двигалась легко, но и не демонстративно изящно, а просто так, будто тело привыкло быть готовым к любой случайности и давно перестало тратить на это усилия. Каждый шаг гасил инерцию. Тело не тратило энергию впустую.

Горожане поглядывали. Рыжие волосы в Хорманне — это не то, что не замечают.

Хасслер подождал, пока они выйдут из Нижнего квартала и свернут на Кузнечную улицу, прежде чем нарушить молчание.

— Можно вопрос? — сказал он. Хасслер не спрашивал разрешения — скорее обозначал, что вопрос будет личным.

Она посмотрела настороженно, но кивнула.

— Ваши волосы.

Он не стал ходить кругами.

— В Хорманне, да и не только в Хорманне - с такими волосами очень непросто. Значит вы сильно издалека.

Что-то в её лице неуловимо изменилось.

— Да, я сильно издалека. Но почему вы спрашиваете

именно про волосы?

— Потому что в Хорманне рыжий цвет волос - дурной знак. — Хасслер говорил спокойно, без осуждения — просто излагал факты. — В хороших семьях рыжих детей либо не выпускают на улицу, либо красят им волосы или стригут. Из бедных... — Он помолчал. — Из бедных продают. Северным варварам, чаще всего. Чтобы несчастье из дома ушло вместе с ребёнком.

Она шла рядом и молчала несколько шагов. Потом легко перепрыгнула через большую лужу посреди улицы.

— То есть вы хотите узнать, что это за место, где рыжих не продают варварам? — спросила она наконец. Не резко — скорее с интересом.

— Конечно. Вы ведь явно не из тех, кого всю жизнь прятали в четырёх стенах, — сказал Хасслер. — И не из тех, кого продали на север. Значит, вы совсем не отсюда.

Хасслер эту лужу просто обошел по дуге, догнал её, и они снова пошли рядом.

Он повернулась к нему и что-то в её лице дрогнуло.

— Да. Я сильно издалека.

— Насколько издалека?

— Я даже сама представить не могу, насколько. Всё остальное я расскажу в Башне.

Хасслер ничего не ответил. Принял к сведению.

Высокая Башня уже виднелась над крышами — серая, тяжёлая, старая, как сам город. Они шли к ней молча, и мол-

чание это было, пожалуй, рабочим, а не враждебным.

До ворот они дошли в молчании, но в своей душе Элайн из всех сил благодарила Создателя. Сейчас она точно узнает где она находится и значит она будет точно знать, как попасть домой. К сыну. К Алистеру. Домой

* * *

Кабинет Великого Хранителя Мудрости оказался на удивление обычным.

Элайн ожидала увидеть хотя бы несколько тяжёлых книг на золочёных подставках, пару портретов давно умерших мудрецов и какой-нибудь совершенно бесполезный предмет, призванный внушать посетителям почтение. Но ничего подобного здесь не было.

Комнату делили между собой два стола.

Первый, рабочий, был завален бумагами, раскрытыми книгами, огрызками перьев и какими-то медными пластинками с нанесёнными на них знаками. На взгляд Элайн, всё это следовало немедленно разобрать и хотя бы сложить ровными стопками. Однако Асвер, судя по всему, прекрасно знал, под какой именно грудой находится нужный ему документ.

Второй стол, длинный и широкий, стоял у окна. На нём лежали три свёрнутые карты, чернильница и несколько книг, которые явно принесли сюда ненадолго, а потом почему-то забыли унести.

Асвер прикрыл дверь. Не запер.

Элайн отметила это сразу. После последних событий она вообще стала замечать двери раньше, чем людей.

Шум Высокой Башни приглушился. Где-то в коридоре переговаривались слуги, стукнула другая дверь, потом всё стихло. В кабинете пахло воском, старой бумагой и чем-то едва уловимо горьким — возможно, травами или магическими составами.

— Садитесь, — предложил Асвер и указал на кресла возле длинного стола.

Потом, словно вспомнив, с кем разговаривает, добавил:

— Если вам так удобнее.

Элайн посмотрела на кресло.

Потом на Асвера. И осталась стоять.

Она даже не успела решить, что не хочет садиться. Тело само приняло привычное положение: ноги чуть расставлены, вес распределён равномерно, руки свободны. Не боевая стойка. Просто так было удобнее, если вдруг придётся быстро отступить, уклониться или схватить что-нибудь тяжёлое.

Впрочем, подходящих табуреток в кабинете не наблюдалось.

Элайн медленно прошла вдоль стены, разглядывая развешенные карты.

Хасслер, оставшийся возле двери, проследил за ней взглядом. Он уже заметил эту привычку: Элайн никогда не смотрела на карту просто из любопытства. Она каждый раз что-то искала. А когда не находила, начинала сердиться, хотя ста-

ралась этого не показывать.

Наконец она всё же села.

Не в предложенное кресло и не прямо напротив Асвера, а сбоку, у угла стола. Оттуда были видны и дверь, и окно, и оба мужчины.

Сделала она это совершенно естественно, будто кресло просто оказалось удобнее.

Хасслер сел чуть поодаль. Это был не его разговор. Во всяком случае, пока.

Он собирался слушать и, если понадобится, не дать беседе превратиться в допрос, скандал или что-нибудь ещё, что обычно происходило рядом с этой женщиной без всякого предупреждения.

Элайн положила ладони на край стола.

— Покажите мне карту вашего мира. Самую подробную. Такую, после которой вы уже не сможете сказать, что нужное место просто не поместилось.

Асвер посмотрел на неё внимательнее, но расспрашивать не стал.

Он достал из-под бумаг небольшой серебряный колокольчик и едва качнул его.

Звук оказался слишком сильным для такой маленькой вещи. Чистый и низкий звон словно прошёл сквозь воздух и на мгновение сделал его плотнее.

Элайн слегка прищурилась.

— Неплохо. У нас для этого обычно кричат в коридор.

Уголок рта Асвера едва заметно дрогнул.

Молодой служка появился в дверях почти сразу.

— Принесите самую большую карту из библиотеки, — распорядился Асвер. — Ту, что хранится в красном кожаном футляре.

Служка поклонился и исчез.

Распоряжения Великого Хранителя Мудрости исполнялись быстро. Видимо, в этой башне никто не хотел выяснять, что случится, если заставить его ждать.

Через несколько минут в кабинет внесли длинный красный футляр. Служка осторожно достал из него большой лист плотного пергамента и развернул на столе. Книги пришлось сдвинуть к самому краю, одна едва не упала, но Асвер поймал её, не глядя.

Элайн наклонилась над картой.

Хасслер остался сидеть у стены, скрестив руки на груди.

Он молчал не потому, что ему было нечего сказать. Просто сейчас любое слово могло помешать.

Сначала Элайн искала берег. Любой знакомый берег, изгиб залива. Очертания полуострова. Ломаную линию гор. Большую реку, которая могла бы оказаться Хафтером – а рядом с ней нашелся бы и Амарантайн... ¹

Пальцы сами пошли по пергаменту.

Так карты читали не учёные, а люди, которым потом при-

¹ Хафтер – название реки в Тедасе, мире Элайн. Амарантайн – название города в её мире.

ходилось идти по нарисованным на них дорогам. Люди, знавшие, что за тонкой чёрной линией реки скрывается холодная вода, скользкие камни, смытый мост и несколько утонувших солдат, потому что кто-то выбрал неправильный брод.

Река.

Незнакомая.

Горы.

Незнакомые.

Лес.

Тоже незнакомый.

Элайн заставила себя читать названия по порядку, полоса за полосой, с запада на восток.

Озеро Химмельсван.

Река Иггград.

Буреломный лес.

В ушах начал нарастать тонкий звон.

Марцган.

Сонсборг.

Оссор.

Ничего. Ни одного знакомого слова. Ни одного очертания.

Ни одной линии, за которую можно было бы уцепиться и сказать себе: карта старая, масштаб непривычный, картограф был пьяницей и нарисовал берег как попало.

За двадцать лет походов и войн Элайн видела множество карт. Хороших, плохих, устаревших, нарочно лживых. Она знала, как выглядит ошибка, как меняются названия и как

настоящая река никогда не течёт точно там, где её нарисовали.

Но здесь дело было не в ошибке - карта изображала не её мир. Не Тедас.

"О Создатель!" - чуть было не закричала она. Но сдержалась.

За окном несколько раз крикнула птица. Пергамент тихо потрескивал под пальцами. Где-то в стене поскрипывало дерево.

— Другой карты нет? — спросила Элайн.

И сразу услышала, насколько нелепо это прозвучало. Но иногда надежда именно так и выглядит: просьбой принести другую карту после того, как первая уже показала тебе весь мир.

Асвер ответил не сразу.

— Это самая полная карта всех материков, островов и морей, известных Империи. Белых пятен на ней почти не осталось.

— Почти?

— Несколько горных районов. Часть северных пустошей. Внутренние области Буреломного леса.

Он немного помолчал.

— Не земли размером с королевство. И тем более не целый материк.

Элайн продолжала смотреть на карту. Потом провела пальцем по названиям.

— Озеро Химмельсван. Река Игград. Буреломный лес...
На картах Тедаса нет ничего похожего. Вообще ничего.

Палец остановился возле чёрной точки на восточном побережье.

— Оссор. Что это?

— Портовый город. Один из крупнейших торговых узлов Империи.

Асвер подождал, потом спросил:

— Что такое Тедас?

Элайн подняла голову.

Несколько мгновений она молчала. Почему-то стало трудно произнести самые обычные слова, которые раньше не требовали никаких объяснений.

— Я родилась в Ферелдене. Моё полное имя — Элайн Кусланд. Ферелден — королевство в Тедасе. К северу от Орлея, к югу от Андерфелса. Столица — Денерим. Правит...

Она запнулась. Не потому, что забыла имя.

Просто от одного этого имени внутри всё болезненно сжалось.

— Правит король Алистер.

В кабинете стало тише.

— Кусланд, — повторил Асвер. — Родовое имя?

— Да.

— Что оно означает у вас?

Слова «у вас» прозвучали с едва заметным нажимом. Асвер словно уже провёл невидимую черту между двумя

предположениями: неизвестной землёй и неизвестным миром.

Элайн выпрямилась.

— Больше, чем вы себе представляете.

На губах появилась короткая улыбка, но веселья в ней не было.

— Я королева Ферелдена.

Хасслер не пошевелился. Только взгляд стал внимательнее. Асвер слегка наклонил голову.

— Продолжайте.

Элайн не была уверена, что именно он хочет услышать дальше. Родословную? Перечень земель? Имена баннов и эрлов?

Поэтому сказала самое важное.

— Я убила Уртимизеля. Архидемона. Когда-то он был Древним богом красоты, пока Скверна не превратила его в чудовище. После его смерти Мор закончился.

Асвер впервые посмотрел на неё не просто внимательно, а настороженно.

— О каком море вы говорите? О моровой язве красных пятен? Последняя вспышка была больше семидесяти лет назад.

— Нет. Не о болезни. Хотя от него тоже умирают. Часто и обычно очень некрасиво.

В голосе Элайн появилась сухая, почти злая ирония. Так она всегда говорила о вещах, которые не хотела вспоминать.

— Мор — это вторжение порождений тьмы. Они выходят из-под земли огромной ордой. Во главе идёт Древний бог, поражённый Скверной. Архидемон. Они уничтожают всё на своём пути, пока люди его не убьют.

Асвер слушал, не перебивая.

— В нашем мире такого никогда не было, — произнёс он наконец. — Наши непрерывные летописи охватывают больше шестисот лет. В них нет ни слова о порождениях тьмы, Архидемонах или подобных вторжениях.

Он медленно повторил:

— Уртимизель...

Имя ему явно не нравилось. Не потому, что звучало неприятно, а потому, что никуда не помещалось.

— Что это вообще за имя?

Элайн внимательно посмотрела на него.

— Такое имя как Думат вам тоже ни о чём не говорит?

— Нет.

— Зазикель?

— Нет.

— Андорал?

— Впервые слышу.

На лице Асвера не появилось недоверия. Хуже - там возникло выражение человека, который только что обнаружил лишнюю строку в безупречно выстроенном доказательстве и уже понял, что переписывать придётся всё.

— Ферелден, — начал перечислять он. — Тедас. Орлей.

Андерфелс. Думат. Зазикель. Андорал. Я не встречал этих названий ни в одной летописи, ни в одном географическом или богословском трактате. А я прочёл их...

— Тысячи, — грустно закончила Элайн.

— Да.

Она опустила глаза на карту.

— Я поняла.

И зачем-то добавила:

— И Уртимиеэль.

Асвер кивнул.

— И Уртимиеэль.

И вот тут её накрыло. Не паникой. Паника была бы легче: паника требует бежать, драться, хвататься за оружие, делать хоть что-нибудь. Это было понимание. Тихое, окончательное и настолько простое, что спорить с ним было невозможно.

Зеркало.

Золотая рама.

Белая вспышка.

Белая бездна, в которую уходили её собственные пальцы. Собственные пальцы, уходящие в свет.

Чьи-то руки, подхватившие ребёнка.

Алистер.

Элайн закрыла глаза.

Она не в Тедасе.

Не на другом берегу. Не в забытой стране. Не в месте, которое не нанесли на карту.

В другом мире.

Значит, обычной дороги домой нет.

Но Алистер жив. Ребёнок жив.

Они там. Она здесь.

И это всё равно должно быть поправимо.

Обязательно.

Она возвращалась из мест, откуда люди не возвращаются. Выбиралась из ловушек, которые считались последними. Преодолевала такие препятствия, за которые другие даже не хотели браться.

Она найдёт дорогу. Разумеется, найдёт.

Но одна секунда всё же была.

Всего одна, когда эта уверенность не успела вернуться.

По щеке скользнула слеза. Потом вторая.

Элайн не стала их вытирать. Просто опустила голову и переждала. Несколько вдохов. Несколько ударов сердца.

Хасслер отвернулся к окну, делая вид, что внимательно разглядывает крышу соседней башни.

Асвер не отвернулся, но прежнее любопытство исчезло из его взгляда. Он просто ждал.

Элайн подняла голову.

— Простите.

— Вам не за что извиняться, — ответил Асвер.

Он дал ей ещё немного времени и только потом продолжил:

— Когда сможете, расскажите о переходе. Не о Тедасе. О

том месте, где вы появились здесь. Что происходило перед этим? Что вы почувствовали? Что увидели сразу после? Любая мелочь может оказаться важной.

Элайн некоторое время смотрела на него.

— Вы мне верите.

Это прозвучало почти с удивлением.

Она явно ожидала насмешек, споров или хотя бы вежливого предложения отдохнуть и прийти в себя.

Асвер приподнял бровь.

— Я считаю вашу версию рабочей. Для человека моей профессии это почти исповедание веры.

Элайн едва заметно усмехнулась.

— Почти?

— За тридцать лет я слышал достаточно необъяснимого. И видел достаточно людей, которые лгут.

Асвер переплёл пальцы.

— Вы не лжёте. Вы пытаетесь рассказать о вещах, которых сами пока не понимаете. Это выглядит иначе.

— В другое время я бы сказала, что рада это слышать. Но в моей ситуации...

— Впрочем, от последнего «почти» можно избавиться. Существует стандартная магическая процедура. Заклинание Высшей Правды. Оно не причиняет боли и позволяет убедиться, что человек говорит искренне.

— Ваша предусмотрительность заслуживает восхищения. Я говорю это без подтекста, правда.

— Благодарю - слегка улыбнулся Асвер.

Элайн откинулась на спинку кресла.

— Проверяйте. Раз уж сегодняшний вечер посвящён неприятным открытиям.

Асвер подошёл к рабочему столу, отпер один из ящиков и достал небольшую шкатулку. Повернул крошечный ключ, открыл крышку и осторожно извлёк крупинку голубого вещества.

Элайн не знала, что это такое.

Но прекрасно знала, как люди держат вещи, которым хорошо известна цена.

Асвер держал голубую крупинку самыми кончиками пальцев, не позволяя себе ни одного лишнего движения.

Значит, это дорого. И он собирался потратить это на неё.

Асвер беззвучно произнёс несколько слов.

Крупинка засветилась.

Воздух перед ним дрогнул, словно над раскалённым камнем. Элайн ощутила лёгкое покалывание на щеках и холод у висков.

Голубой свет сорвался с пальцев Асвера и устремился к ней.

А потом ничего не произошло.

Совсем. Заклинание дошло до Элайн и исчезло.

Не разбилось о защиту. Не отскочило. Не рассеялось вокруг неё. Просто перестало существовать.

Голубой свет погас. Крупинка исчезла.

Асвер смотрел на неё.

В его глазах появилось что-то новое.

Настоящий голод.

Не обычный человеческий. Такой взгляд Элайн видела у учёных, магов и гномьих мастеров, когда им попадалось нечто, что они не могли объяснить.

— Интересно, — прошептал Асвер. — Очень интересно. Не ей. Самому себе.

— Я бы сказал даже — чрезвычайно интересно.

— По вашему лицу видно, что это не обычное "интересно", — заметила Элайн.

Асвер моргнул и словно вернулся в кабинет.

— Не помню, когда я в последний раз был настолько удивлён.

— И как вам это ощущение?

— Послушайте! - его голос звучал очень взволнованно - Наша магия на вас не действует. Совсем. Она даже не встречает сопротивления — просто не действует.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.